

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАН**

И. Д. Козочкин

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
США**

**УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ
РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР**

Законодательство зарубежных стран

И. Д. Козочкин

**Уголовное право США: успехи
и проблемы реформирования**

«Юридический центр»

2007

ББК 67.408(7Сое)

Козочкин И. Д.

Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования
/ И. Д. Козочкин — «Юридический центр»,
2007 — (Законодательство зарубежных стран)

В работе на основе анализа действующего американского уголовного законодательства, доктрины и материалов судебной практики показано современное состояние уголовного права США. Рассмотрение основных институтов его Общей и Особенной части дает представление о характере реформы уголовного законодательства, начатой во второй половине XX в., с принятием Примерного уголовного кодекса США. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, исследователей, специализирующихся в области уголовного права США, практических работников, а также всех интересующихся уголовным правом зарубежных стран.

ББК 67.408(7Сое)

© Козочкин И. Д., 2007

© Юридический центр, 2007

Содержание

Предисловие	7
Раздел I	13
§ 1. Общая характеристика источников уголовного права США	13
§ 2. Действие уголовных законов в пространстве	22
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Данилович Козочкин

Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER

Foreign Legislation

I. D. Kozochkin

CRIMINAL LAW OF THE USA

PROGRESS AND PROBLEMS OF REFORMING

Saint Petersburg

R. Aslanov Publishing House

“Yuridichesky Center Press”

2007

Редакционная коллегия серии «Законодательство зарубежных стран»

А. И. Бойцов (*отв. ред.*), Н. И. Мацнев (*отв. ред.*), Б. В. Волженкин, Т. А. Алексеева, А. И. Коробеев, А. А. Эксархопуло, Ю. В. Голик, И. М. Рагимов, В. Я. Таций, А. И. Лукашов, И. В. Миронова, Е. Р. Шубина, Д. Леонарди, Х. Шпаманн

Рецензенты:

Отдел уголовного законодательства и судостроительства зарубежных государств Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

А. И. Рарог, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Editorial Board of the Series of “Foreign Legislation”

A. I. Boitsov (*managing editor*), N. I. Matsnev (*managing editor*), B. V. Volzhenkin, T. A. Alexeeva, A. I. Korobeev, A. A. Eksarkhopoulo, Yu. V. Golik, I. M. Raguimov, V. Y. Tatsy, A. I. Lukashov, I. V. Mironova, E. R. Shubina, Danilo A. Leonardi, Holger Spamann

Reviewers:

The Department of Criminal Legislation and Judicature of Foreign States of the Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence attached to the Government of the RF

Doctor of Law, professor, Honored Worker of Science of the RF **A. I. Rarog**

The work shows the present state of criminal law of the USA on the basis of the analysis of the current American legislation, the doctrine and materials of court practice. Consideration of principal institutions of its General and Special parts gives an idea of the character of the reform of criminal legislation that started in the second half of the XX century with the adoption of the Model Criminal Code of the USA.

The book is addressed to professors, post-graduate students and undergraduates of law schools, researchers who are specializing in the sphere of criminal law of the USA, practical workers as well as to everybody who is interested in criminal law of foreign countries.

© I. D. Kozochkin, 2007

© R. Aslanov Publishing House “Yuridichesky Center Press”, 2007

Предисловие

Еще до середины прошлого века американское уголовное законодательство представляло собой картину весьма неприглядную. Считалось, что каждый или почти каждый штат имеет свой уголовный кодекс. Однако в большинстве случаев он был таковым лишь по названию, ибо представлял собой сборник принятых в разное время актов или норм, как правило, расположенных в алфавитном порядке.

Уголовные кодексы, принятые в разное время, испытали влияние различных направлений в карательной политике и уголовно-правовой доктрине, а также социально-экономических и политических условий. Эти и другие причины обусловили их отличия друг от друга по всем основным параметрам: структуре, кругу уголовно наказуемых деяний, по регулированию вопросов Общей и Особенной части, санкциям за сходные или одинаковые преступления. Так, кровосмешение в Калифорнии каралось сроком до 50 лет, а в Пенсильвании – до 5, гомосексуализм в одном штате можно было наказывать пожизненным тюремным заключением, а в другом – штрафом.

Кроме того, уголовное законодательство штатов характеризовалось чрезвычайной казуистичностью, что в значительной степени было обусловлено рецепцией норм общего права, которое, как известно, развивается «от случая к случаю». Этим объясняется то, что, например, в УК штата Мичиган ответственность за повреждение или разрушение (уничтожение) имущества предусматривалась более чем в 70 статьях, а в УК штата Нью-Йорк за злоумышленное причинение вреда имуществу – в 25 статьях.

В уголовных кодексах штатов содержалось немалое количество норм аномальных и архаичных. Так, в УК Калифорнии предусматривалась ответственность за совершение такого преступления, как «плевание»¹, а в УК Нью-Йорка – за причинение вреда в результате нарушения правил печного отопления железнодорожных вагонов.

В таком же запущенном состоянии находилось и продолжает оставаться федеральное уголовное законодательство. Основная масса уголовно-правовых норм, содержащаяся в разделе 18 Свода законов США, а по преимуществу в его части I («Преступления»), нередко именуется «Уголовным кодексом», хотя по существу таковым не является. Прежде всего потому, что в его Общей части (гл. I «Общие положения») регулируется лишь весьма незначительный круг вопросов, остальные – регулируются судебной практикой,² а также потому, что материал Особенной части (85 глав) расположен в алфавитном порядке, что не выдерживает никакой критики с точки зрения юридической техники, да и сам он излагается настолько сложно, запутанно, бессистемно и казуистично, что понять его не-юристу трудно, а подчас вообще невозможно. Так, в Кодексе насчитываются десятки статей, относящиеся к одному предмету регулирования (например, около 160 статей касаются ответственности за ложные заявления, сделанные государственным должностным лицам), и используются десятки терминов для обозначения субъективной стороны преступления.³

¹ Согласно ст. 372а лицом, совершившим это преступление, считался тот, кто «извергает слюну из носа и рта или плюет на тротуар, общественную улицу или шоссе, на часть общественного сооружения, железнодорожный поезд, трамвай, платформу, паромход... или иное судно либо транспортное средство, используемое для перевозки людей».

² По словам П. Робинсона, 99 % материала Общей части не кодифицировано: пробелы восполняются федеральным правосудием (см.: *Robinson P. Reforming the federal criminal code: A top ten list // Symposium: Rethinking federal criminal law. 1 Buff. Crim. L. Rev. 1997. P. 228*).

³ Федеральному УК присущи и многие другие недостатки. Нормы, устаревшие или криминализирующие деяния, не представляющие сколько-нибудь значительной опасности, – не редкость. Так, сроком до 6 месяцев тюремного заключения может караться перевозка из одного штата в другой крокодиловой травы (ст. 46) или выдача чека на сумму менее 1 долл. с намерением пустить его в обращение в США в качестве средства платежа или вместо денежного знака (ст. 336).

На симпозиуме «Переосмысление федерального уголовного права» П. Робинсон констатировал, что отсутствие хорошо разработанной Общей части «нарушает принцип законности», ибо порождает у людей неуверенность (незнание), при каких условиях уголовная ответственность наступает и при наличии каких обстоятельств она может быть исключена.⁴ Там же отмечалось, что недостатки, присущие федеральному уголовному законодательству, «не могут быть устранены путем добавления новых статутах, так как большинство дефектов являются фундаментальными». И далее: хорошо разработанный Федеральный УК может понизить уровень преступности, повысить общественную безопасность и укрепить общественное доверие к правосудию.⁵ Следует также иметь в виду, что очень много уголовно-правовых норм разбросано почти по всем остальным 49 разделам Свода законов (СЗ).

Оценивая состояние уголовного законодательства того периода (50-х гг. XX в.) в целом, Г. Векслер писал: «Наши уголовные кодексы являются фрагментарными, устаревшими, неупорядоченными и часто случайными по своему охвату (по кругу рассматриваемых вопросов. – И. К.), их развитие по преимуществу случайное по своим истокам (корням), их формирование – комбинация законоположений и общего права, которую только история объясняет».⁶ Подобные высказывания были не редкостью на страницах американской юридической литературы. Они принадлежали ученым, атторнеям, другим представителям «юридического сословия».

Положение, сложившееся в области уголовного права, становилось все более нетерпимым. Идея о настоятельной необходимости его упорядочения или даже реформирования была на устах многих юристов, связанных с уголовным правосудием, и, наконец, в 1951 г. она дошла до уровня ее осознания и принятия Институтом американского права. Созданная тогда в рамках этого института весьма представительная комиссия, состоявшая из видных теоретиков и практиков, начала работать над подготовкой Примерного УК.⁷ В период с 1953 по 1961 г. комиссия публиковала материалы своего труда, а в 1962 г. Институтом американского права был одобрен и тогда же опубликован окончательный 13-й вариант Примерного УК.

В американской юридической литературе подчеркивается, что Институт американского права «произвел на свет» именно «модельный», а не единообразный Кодекс, поскольку, как полагает У. Лафейв, «единообразие в уголовном праве не так важно, как в других областях, таких как коммерческое право».⁸ Единообразие – это идеал, к которому следовало бы стремиться, но который в условиях США, где существует 53 самостоятельные правовые системы, недостижим. Примерный УК, пишет Б. С. Никифоров, выражает линию на упорядочение законодательства штатов, «придание ему большего единообразия и большей определенности». Кодекс, продолжает он, не признает общее право источником уголовного права⁹ и более или менее решительно порывает с пережитками средневековых и иных устаревших доктрин; он отличается тщательной разработкой определений, пониманием важности однозначности терминологии и стремлением провести этот принцип через весь документ¹⁰.

По словам Л. Шварца, Примерный УК – это «приглашение к правовой реформе», на которое откликнулись законодатели штатов: одних – раньше, других – позже. Процесс реформирования законодательства штатов получил импульс к развитию, и это было крайне важно, имея в виду тот хаос, который царил в уголовно-правовой сфере в США. Можно утверждать,

⁴ Robinson P. Op. cit. P. 228.

⁵ Joost R. Federal Criminal code reform: is it possible? // Symposium. Op. cit. P. 197.

⁶ Wechsler H. The American law institute: Some observations on its Model penal code. 42 A.B.A.J. 1956. P. 321.

⁷ Ответственными за подготовку Примерного УК и организацию научных исследований были известные ученые профессора Шварц, Векслер и Таппен.

⁸ LaFave W. Criminal law. St. Paul, MN, West, a Thomson business, 2003. P. 5.

⁹ Это положение нуждается в уточнении: Примерный УК не исключает общее право как источник уголовного права вообще, он только исключает преступления общего права (п. 1 ст. 1.05).

¹⁰ Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969. С. 25.

что первым значительным практическим достижением авторов Примерного УК было то, что разработка и принятие этого документа стимулировали пересмотр уголовного законодательства в штатах¹¹.

Однако штаты к рекомендациям Примерного УК отнеслись по-разному: одни ограничились минимальными изменениями своего уголовного законодательства, можно сказать его «косметическим ремонтом», другие провели его «капитальный ремонт» под углом зрения или с непосредственным учетом (иногда воспроизведением) положений Примерного УК. К последним, например, относятся штаты Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси и Орегон, где принятые уголовные кодексы вступили в силу, соответственно, в 1967, 1973, 1979 и 1972 гг.

Среди этих уголовных кодексов наибольшего внимания заслуживает принятый в 1965 г. УК штата Нью-Йорк. Испытав значительное влияние Примерного УК, он, в свою очередь, оказался хорошим подспорьем при решении тех или иных (иногда многих) сложных вопросов уголовного права в штатах. Отмечая значение этого УК для развития уголовного законодательства США, юридическая комиссия Сената в одном из своих отчетов писала: после создания и опубликования Примерного УК, принятия кодексов в таких штатах, как Иллинойс, Миннесота и Нью-Мексико, в которых нашли закрепление и развитие его положения,¹² создание УК штата Нью-Йорк «явилось следующим этапом в процессе разработки современного уголовного права Соединенных Штатов».¹³

Новые уголовные кодексы были приняты в большинстве штатов,¹⁴ но не все они – результат коренного пересмотра уголовного права в духе рекомендации Примерного УК. В некоторых штатах предпринятые попытки проведения реформы оказались безуспешными. Так, продолжает действовать старый УК в крупнейшем штате страны – Калифорнии (1872 г.) со многими изначально присущими ему недостатками.

Положения Примерного УК и комментарии к нему¹⁵ нередко используются в судебной практике при решении тех или иных уголовно-правовых вопросов. Так, например, суд Округа Колумбия, рассматривая дело Бронера, опирался на формулу невменяемости, предложенную Примерным УК (ст. 4.01).¹⁶ По мнению С. Кадиша, многие профессора используют Примерный УК как «основное учебное пособие в преподавании уголовного права», так как он стал его неотъемлемой частью.¹⁷

Трудно переоценить значение создания Примерного УК и той роли, которую он сыграл и продолжает выполнять в деле преобразования американского уголовного права.¹⁸ Это общепризнанно в Соединенных Штатах. Вместе с тем следует подчеркнуть, что его анализ и опыт использования в законодательной деятельности в штатах показывают, что он не свободен от недостатков, причем некоторых весьма существенных. В связи с этим на страницах амери-

¹¹ До начала издания материалов комиссии по разработке Примерного УК только в двух штатах был осуществлен полный пересмотр уголовного права – в Луизиане, где УК вступил в силу в 1942 г., и в Висконсине, где УК начал действовать с 1956 г.

¹² Поскольку работа над проектами уголовных кодексов в этих штатах шла параллельно с работой комиссии по подготовке Примерного УК, публиковавшиеся ею материалы в той или иной степени использовались при разработке этих проектов. Например, в предисловии к окончательному варианту проекта УК Иллинойса прямо говорилось, что при его подготовке комиссия придерживалась рекомендаций специалистов, работавших над Примерным УК. Однако следует иметь в виду, что в окончательном, 13-м варианте Примерного УК некоторые вопросы были решены не так, как в предыдущих вариантах.

¹³ Criminal justice codification. Revision and reform act of 1974. Vol. 1, Title 18 – Federal Code. W., 1975. P. 9.

¹⁴ У. Лафейв указывает, что новые уголовные кодексы были изданы в 38 штатах. Последним принял УК штата Теннесси, который вступил в силу в 1989 г. (см.: *LaFave W. Op. cit.* P. 5).

¹⁵ American law institute (ALI). Model penal code and commentaries. Part I: General provisions. Phil., 1985; ALI... Part II: Definition of specific crimes, 1980.

¹⁶ United States V. Brawner, 471 F.2d 969 (D.C. Cir. 1972).

¹⁷ Kadish S. The model penal code's historical antecedents. 19 Rutgers L.J., 1988. P. 521.

¹⁸ С. Кадиш пишет, что его влияние на американское уголовное право было «ошеломляющим» (Ibid. P. 538), а Дж. Дресслер отмечает, что при рассмотрении вопросов он исходит из того, что общее право и Примерный УК являются основными источниками современного статутного права (см.: *Dressler J. Understanding criminal law. Matthew Bender and Co, 2001. P. 31*).

канской юридической литературы и на различных симпозиумах раздаются призывы к Институту американского права о необходимости подготовки второго, исправленного и дополненного издания Примерного УК. Однако, судя по всему, в ближайшие годы он это делать не собирается; в других областях правового регулирования Институт свои труды пересматривает, хотя и спустя длительное время после их первого издания.

Что же касается федерального уголовного права, то нельзя сказать, что не осуществлялись попытки его преобразования. Они предпринимались, начиная с 1966 г., когда официально была создана комиссия Э. Брауна (бывший губернатор Калифорнии) по подготовке проекта нового федерального УК.¹⁹ В 1971 г. в виде итогового доклада она представила проект такого кодекса, испытавшего влияние Примерного УК. Но ни он, ни один из многочисленных проектов федерального УК, внесенных в Сенат или Палату представителей, Конгрессом не был принят. Хотя следует заметить, что проект S-1437 подавляющим большинством голосов (72 против 15) в 1978 г. прошел через Сенат, но не был одобрен Палатой представителей, так как ее соответствующий подкомитет признал его «страдающим серьезными пороками». Этот проект представлял собой попытку найти компромисс между сторонниками и противниками откровенно реакционного проекта S-1 путем устранения его наиболее одиозных положений.²⁰

В юридической литературе отмечается ряд причин неудач, постигших все усилия, направленные на реформирование федерального уголовного законодательства.²¹ Если попытаться их сгруппировать и обобщить, то можно выделить три основные. Во-первых, процедура прохождения законопроекта является довольно сложной и длительной: для того чтобы стать законом, он должен получить одобрение, по крайней мере в восьми инстанциях,²² имея в виду, что Конгресс в своем первоначальном составе (после выборов) работает два года и что каждый из проектов федерального УК был очень большим по объему – более 500 страниц; оппонентам было легко заблокировать проект, голосуя «против» на одной из стадий в Конгрессе или даже не допустив до голосования, например создав отсутствие кворума. Во-вторых, работа по подготовке нового федерального УК была значительно усложнена тем, что нередко на рассмотрении в Конгрессе одновременно находились два и более его проектов, причем иногда по два проекта в каждой из его палат, например S-1437 и S-1722 – в Сенате, HR-2311 и HR-6869 – в Палате представителей; вместо выработки общей платформы члены палат в соответствующих подкомитетах и комитетах больше времени тратили на отстаивание своих, порой очень разных, позиций по тем или иным вопросам. В-третьих, несмотря на то, что одна из основных целей реформы – упорядочение и упрощение федерального уголовного законодательства и ее можно было реализовать без особого труда, по ряду проблем, которые необходимо было разрешить в новом кодексе, выявились серьезные разногласия между консерваторами и либералами; даже в лагере сторонников не было единства мнений по некоторым важным, политически значимым и с позиций общественного мнения чувствительным вопросам, таким, например, как смертная казнь или контроль за оружием. Нередко в дискуссиях, как в Конгрессе, так и за его стенами, на первое место выступала проблема обеспечения гражданских прав и свобод.

Если говорить об отношении к реформе уголовного законодательства в США в целом, то следует подчеркнуть, что подчас откровенными противниками ее проведения проявляли

¹⁹ Комиссия Брауна была создана сроком на 5 лет законом National criminal law reform commission Act of Nov. 8, 1966 (Pub. L. N 89-801).

²⁰ В силу наличия в этом проекте массы положений, направленных на усиление политических преследований и на борьбу с антивоенным и другими демократическими движениями, его осудили многие слои американского общества (см.: *Никифоров Б. С., Решетников Ф. М.* Современное американское уголовное право. М., 1990. С. 21). Некоторые его представители называли этот проект «фашистским» (*Joost R. Op. cit.* P. 209).

²¹ См., например: *Joost R. Op. cit.* P. 203–210.

²² Чтобы стать законом, проект УК должен был пройти через подкомитет и комитет (в полном составе) каждой из палат Конгресса, комитет по регламенту Палаты представителей, одобрен на пленарном заседании каждой из палат, согласительным комитетом обеих палат (если необходимо) и затем – Белым домом.

себя такие государственные структуры, как полиция, судебная власть и атторнейская служба, которые при всем различии своих конкретных интересов были заинтересованы в сохранении status quo, сложившегося в данной области.

Когда стало ясно, что проведение полной реформы федерального законодательства – дело нереальное, администрация Президента Рейгана, добившись принятия Конгрессом в 1984 г. Комплексного закона о контроле над преступностью,²³ довольствовалась внесением в него частичных изменений, в том числе по некоторым вопросам, вызывавшим серьезные разногласия при обсуждении проектов УК: упразднение условно-досрочного освобождения (гл. 311 (ст. 4201–4218) раздела 18 СЗ), санкционирование досудебного (превентивного) заключения опасных правонарушителей (ст. 3141 и др. раздела 18 СЗ), включение определений насильственного преступления, невменяемости и подстрекательства к совершению насильственного преступления (соответственно ст. 16, 17 и 373 раздела 18 СЗ), многочисленных положений об отдельных видах наказания (гл. 227 раздела 18 СЗ), а также о создании комиссии по назначению наказаний (гл. 58 (ст. 991–998) раздела 28 СЗ).

Эта комиссия в целях устранения разнобоя в назначении наказаний разработала весьма объемные «Руководства по назначению наказаний», которые являются обязательными для всех федеральных судов.²⁴ Считается, что комиссия, не предусмотрев наказания за архаичные и малозначительные посягательства, может фактически произвести их выбраковку. К «Руководствам» судьи относятся по-разному: одни считают, что они представляют собой «удручающую неудачу», другие – что «создают более справедливую систему» назначения наказаний²⁵.

Поскольку проведение реформы в области наказания – один из наиболее спорных аспектов всей реформы уголовного права, на федеральном уровне ее удалось осуществить, хотя и в ограниченных пределах, путем обходного «маневра»,²⁶ а во многих штатах, чтобы ускорить процесс принятия новых уголовных кодексов, пошли по пути снятия «с повестки дня» вопросов, вызывавших наибольшие разногласия, таких, например, как упразднение условно-досрочного освобождения или введение руководств по назначению наказаний.

Так можно ли считать реформу уголовного права состоявшейся? Ответ на этот вопрос читатель получит, прочитав данную работу, в которой на основе анализа действующего законодательства и материалов судебной практики, которая по-прежнему играет значительную роль в уголовно-правовой сфере, с использованием доктрины показано современное состояние американского уголовного права.

В начале работы рассматриваются такие имеющие большое значение для общей характеристики уголовного права США вопросы, как-то: принцип законности, источники уголовного права и действие уголовных законов в пространстве. Во втором разделе, посвященном Общей части уголовного права, содержится анализ основных институтов, относящихся к учению о преступлении и наказании, законодательная урегулированность которых – показатель развитости, разработанности уголовного права любой страны, в том числе США. В рамках главы «Наказание» рассматриваются и меры безопасности, которые довольно широко применяются в Соединенных

Штатах, а некоторые из них – весьма своеобразны. Особенная часть представлена тремя группами преступлений – против личности, против собственности и против государства. Последние не испытали и не могли испытать влияния Примерного УК ни на федеральном

²³ Частью этого закона стали одобренные Конгрессом 100 с лишним страниц из проектов Федерального УК.

²⁴ Эти «Руководства», по существу, стали законом, так как Конгресс в течение 180 дней после их издания не выразил своего неодобрения. В таком же упрощенном порядке принимаются поправки к ним (ст. 994).

²⁵ Wash. Post. Oct. 8. 1996. P. A-8.

²⁶ Глава, предусматривающая создание федеральной комиссии по назначению наказаний и определяющая ее права и обязанности, а также другие уголовно-правовые положения были частью более широкого билля о расходах и поэтому довольно быстро стали законом (N.Y. Times. Oct. 14. 1984. P. A-1).

уровне, ни в штатах, так как первая глава его Особенной части («Посягательства на существование и безопасность государства») оставлена «вакантной».

Задумав проведение реформы уголовного права и с этой целью разрабатывая Примерный УК, американские ученые не забывали о том впечатлении, которое этот Кодекс и, следовательно, реформа должны произвести за пределами США. «Образ Америки, который воздействует на наших друзей, врагов и нейтрально настроенных людей во всем мире, – писал Л. Шварц, – это не только отражение наших материальных ресурсов или военной мощи. Мир оценивает нашу цивилизацию также, а может быть в первую очередь, по результатам нашего интеллектуального творчества и по тому, каковы идеалы и практика нашего правосудия».²⁷

²⁷ Цит. по: Примерный уголовный кодекс (США). С. 25.

Раздел I

Источники уголовного права

§ 1. Общая характеристика источников уголовного права США

В США нет единой, общенациональной уголовно-правовой системы, что обусловлено особенностями американского федерализма. В стране действуют 53 самостоятельные системы – 50 штатов, федеральная, Округа Колумбия, где расположена столица, и «свободно присоединившегося государства» Пуэрто-Рико. Это породило такое характерное для США явление, как правовой дуализм, означающий, что на территории каждого штата действует право данного штата, а при определенных условиях – право федеральное.

Основными источниками уголовного права США являются общее, или прецедентное, право и статутное право, т. е. законодательство.

Но поскольку к настоящему времени не осталось ни одного штата, где уголовная репрессия опиралась бы в основном на нормы общего права, а статутное право выступало бы в качестве дополнения к нему, и «все штаты стремятся к тому, чтобы сделать статутное право всеохватывающим»²⁸, есть смысл начать рассмотрение источников уголовного права с законодательства.

Источниками федерального уголовного законодательства являются: Конституция США 1787 г., акты Конгресса, подзаконные акты, а также нормы международного уголовного права, в незначительной степени – право индейских племен.

Конституция США не позволяет четко разграничить компетенцию федерации и штатов в области уголовного законодательства. В разделе 8 ст. 1 после перечисления вопросов, по которым «Конгресс имеет право» принимать решения (в частности, устанавливать наказания за подделку государственных ценных бумаг, определять и карать морской разбой и пр.), отмечается, что он также может «издавать все законы, которые будут необходимы для осуществления как вышеуказанных прав, так и всех других прав, которыми настоящая Конституция наделяет правительство Соединенных Штатов, его департаменты и должностных лиц». Вероятно, это конституционное положение послужило основанием для чрезвычайно интенсивного развития федерального уголовного законодательства: первоначально на федеральном уровне было всего лишь несколько уголовных законов, основная их часть была принята в штатах.

Конституция США содержит ряд положений либо непосредственно уголовно-правового характера, либо имеющих отношение к уголовному праву. Среди них такие, например, как запрет на издание законов, имеющих обратную силу, на применение жестоких и необычных наказаний, на лишение жизни, свободы и собственности без законного судебного разбирательства и др. В Конституции (раздел 3 ст. 111) даже закреплено определение такого преступления, как измена.

В США нет федерального уголовного кодекса в его общепринятом понимании.

Актом Конгресса от 25 июня 1948 г. основная часть ранее действовавшего законодательства была, как сказано в нем, «пересмотрена, кодифицирована» и включена в форме закона в раздел 18 Свода законов США «Преступления и уголовный процесс». Часть I этого раздела («Преступления») насчитывает 86 глав, хотя номер последней главы – 123: остальные главы пропущены. Формально она не имеет ни Общей, ни Особенной части. Фактически же первая

²⁸ Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право. М., 1990. С. 10.

глава («Общие положения») – мини-Общая часть, так как она состоит всего лишь из 22 статей, большинство из которых содержат определения используемых в указанном разделе терминов. Кроме того, три статьи (§ 2, 3 и 4) посвящены институту соучастия, а одна (§ 17) – невменяемости. Остальные главы расположены в алфавитном порядке. Поэтому в начале оказались статьи об ответственности за посягательства на животных и растения (гл. 3), в середине – об убийстве (гл. 51), а в конце – об ответственности за терроризм (гл. 113В), измену (гл. 115) и военные преступления (гл. 118).

Однако далеко не все уголовно-правовые нормы, даже общего характера, собраны в ч. I раздела 18 Свода законов. Есть они в ч. II этого раздела, где рассматриваются вопросы наказаний (пробации, штрафа и тюремного заключения – гл. 227, а также смертной казни – гл. 228)²⁹ и разбросаны почти по всем остальным 49 разделам СЗ США. Их – около 3000. Столь огромное количество уголовно-правовых положений – результат казуистики, описательного характера норм, наличия устаревших и даже архаичных положений и в целом – неупорядоченности законодательства. Так, например, насчитывалось более 130 статей, относящихся к краже и мошенничеству, около 90 – к подделке и подлогу и т. п. Более 70 терминов использовалось при описании субъективной стороны преступления, что в значительной степени явилось следствием отсутствия общего определения вины и ее форм. Отмеченные и другие недостатки федерального уголовного законодательства дали основание американским ученым подвергнуть его уничтожающей критике. Одни (Браун и Шварц) отмечали, что оно находится в «хаотичном состоянии», другие (Зиглер) – что оно является «фактически непригодным для использования и, несомненно, несправедливым». Конечно, такое состояние законодательства не могло не вызвать озабоченности властей. Было предпринято несколько попыток его реформирования, но все они оказались безуспешными.

Вместе с тем было сделано несколько важных шагов на пути к реформированию законодательства. В 1984 г. администрация Р. Рейгана провела через Конгресс так называемый Комплексный закон о контроле над преступностью, который в духе жесткой уголовной политики предусматривает меры борьбы с опасными преступниками и рецидивистами, регулирует другие вопросы. Часть этого акта – Закон о реформе наказаний, на основании которого была создана комиссия по наказаниям. Она разработала «Основные направления по назначению наказаний», опубликованные в форме «руководств», которые были призваны устранить разноречивость в назначении наказаний за федеральные преступления³⁰. В 1994 г. был принят Закон о борьбе с насильственной преступностью, который газетой «Нью-Йорк Таймс» охарактеризован как самый репрессивный в современной истории США: он увеличил число случаев применения смертной казни до 60.

Большую роль в регулировании уголовно-правовых отношений на федеральном уровне играют подзаконные акты, издаваемые президентом, министерствами и ведомствами федерального правительства. Как правило, эти акты детализируют, конкретизируют нормы федеральных законов. Но иногда и сами они устанавливают уголовную ответственность за те или иные деяния. Так, согласно исполнительному приказу бывшего президента Р. Рейгана от 1986 г., изданному в рамках реализации экономических санкций против Ливии, те американцы, которые не покинули территорию этой страны к указанному сроку, могли быть подвергнуты тюремному заключению сроком до 10 лет и штрафу в размере до 50 тыс. долл. Говоря о значении подзаконных актов (федеральных и штатов), американские профессора Прайс и Битнер отмечают, что «они оказывают более непосредственное влияние на жизнь большинства из нас, чем законы, принимаемые коллегиально».

²⁹ В американской и отечественной юридической литературе раздел 18 (ч. I и II) Свода законов США нередко именуется Федеральным УК. Несмотря на то, что это название условное, оно иногда используется в данной работе.

³⁰ Подробнее см.: Козочкин И. Д. Цели наказания и их реализация в правоприменительной практике США // Проблемы наказания по законодательству России и зарубежных стран. М., 1999. С. 18.

Действие федерального уголовного законодательства является ограниченным. Если говорить в общем, то, во-первых, оно применяется в случае совершения преступлений с так называемым «федеральным элементом»: в отношении федеральных должностных лиц (например, убийство, причинение телесных повреждений, воспрепятствование исполнению служебных обязанностей) или ими в связи с исполнением своих служебных обязанностей (например, взяточничество и хищение); за преступления, затрагивающие интересы нескольких штатов (например, похищение автомобилей и перегон их из одного штата в другой или сбыт наркотиков); за посягательства против федеральных учреждений и служб (например, почты) либо Соединенных Штатов в целом (измена, шпионаж и др.). Во-вторых, оно применяется в случае совершения любого преступления, но совершенного на территориях федерального значения: национальные парки, заповедники, суда, плавающие под американским флагом в открытом море, а также находящиеся в полете в воздушном пространстве над открытым морем, военные объекты и др.³¹ Если на этих территориях совершается посягательство, которое федеральным законодательством не предусматривается, то по аналогии применяется право штата, где такие территории расположены (§ 13 раздела 18 Свода законов).

Основными источниками уголовного законодательства штатов являются: Конституция США, конституции штатов, уголовные законы, прежде всего уголовные кодексы, и подзаконные акты.

Ни один нормативный акт, издаваемый в штатах, не может противоречить Федеральной Конституции. Применительно к уголовному праву конституции штатов имеют как сходства с нею, так и отличия от нее. Общее состоит в том, что они, как правило, закрепляют вышеперечисленные положения Конституции страны. Отличия заключаются в том, что они содержат либо более детальную их регламентацию, либо положения, которых в ней нет. Например, в Конституции штата Орегон (§ 37 ст. 1) запрет налагать жестокие и необычные наказания дополнен указанием о том, что тяжкое убийство карается смертной казнью, если только присяжные не выскажутся за пожизненное тюремное заключение.

Вообще, в конституциях штатов вопросам наказания уделяется большое внимание. Это касается целей наказания, видов приговоров и способов их приведения в исполнение. Например, в Конституции Аризоны сказано, что смертная казнь должна приводиться в исполнение с использованием удушающего газа. Однако в конституциях некоторых штатов можно встретить положения более общего характера, причем весьма важные. Например, Конституция Огайо запрещает привлекать к ответственности и наказывать за одно и то же преступление дважды (§ 10), а также выдавать лицо за преступление, совершенное в этом штате (§ 12).

Состояние современного уголовного законодательства штатов трудно понять без хотя бы небольшого экскурса в его историю.

Как уже отмечалось, еще до начала 60-х годов прошлого века оно представляло собой картину весьма неприглядную. Каждый или почти каждый штат имел свой кодекс. Однако в большинстве случаев он был таковым лишь по названию, ибо состоял из принятых в разное время актов или норм, нередко расположенных в алфавитном порядке. Законодательство штатов, принятое в разное время, испытало влияние различных школ и направлений в карательной политике и доктрине уголовного права, а также социально-экономических и политических условий, отличаясь друг от друга по всем основным параметрам (структура, круг уголовно наказуемых деяний, регулирование вопросов Общей и Особенной части, санкции за сходные или одинаковые преступления).

³¹ Вопрос о действии уголовных законов в пространстве весьма сложный. Он специально рассматривается в следующем параграфе.

Реформа уголовного права назревала. Толчком к ее проведению стала деятельность весьма представительной комиссии Института американского права³², а в еще большей степени – подготовка ею и опубликование в 1962 г. окончательного 13-го варианта проекта Примерного уголовного кодекса. Он был разработан на основе тщательного анализа и обобщения норм статутного и общего права с учетом уголовно-правовой доктрины³³. По словам одного из его разработчиков профессора Шварца, Примерный УК «является приглашением к правовой реформе, а не догматическим утверждением “единственно правильного” разрешения трудных проблем уголовного права. Кодекс был задуман как “примерный”, а не “единый”, который принимался бы в идентичных формулировках везде»³⁴.

Структура Примерного уголовного кодекса проста. Он состоит из четырех частей. Первая – «Общие положения», т. е. его Общая часть. Она имеет 7 разделов, включающих в себя 76 статей. Там рассмотрены такие вопросы и институты уголовного права, как-то: толкование уголовного закона, его действие во времени и пространстве, понятие преступления, основание уголовной ответственности и обстоятельства, исключаящие и смягчающие ее, стадии преступления (неоконченные посягательства), наказание (особенно подробно – порядок его назначения) и др.

Вторая часть Кодекса – «Определение конкретных преступлений» – его Особенная часть. Она состоит из шести титулов:

1. Посягательства на существование или безопасность государства; 2. Посягательства, представляющие опасность для личности; 3. Посягательства на имущество; 4. Посягательства против семьи; 5. Посягательства против публичной администрации и 6. Посягательства на публичный порядок и благопристойность. Титулы (кроме первого) имеют разделы, всего – 16, которые включают в себя 107 статей. В целом структура Особенной части представляется довольно удачной: сгруппированный по объектам посягательства материал расположен по убывающей степени опасности преступлений. Однако в этой части Примерного уголовного кодекса имеются существенные пробелы. Во-первых, остался незаполненным ее первый титул. Это объяснялось тем, что установление ответственности за государственные преступления – компетенция федеральных властей. Однако, думается, главная причина состояла в том, что комиссия как бы между прочим в своем примечании отметила: «Определение посягательств на существование и безопасность государства неизбежно испытывает влияние специальных политических соображений»³⁵. А между тем разработка и включение в Примерный УК составов государственных преступлений могли бы оказаться полезными хотя бы потому, что при подготовке проекта Федерального уголовного кодекса его разработчики во многом ориентировались на этот документ.

Во-вторых, в Кодексе отсутствуют составы весьма распространенных в США преступлений, связанных с наркотиками, азартными играми, налогами и др. Это объяснялось трудностью их «моделирования», вызванной особенностями административной и судебной систем штатов, сложностью и многообразием существующего нормативного материала³⁶.

Третья часть Кодекса – «Воздействие и исправление» – по преимуществу, а четвертая – «Организация исправительных учреждений» – полностью относятся к пенитенциарному праву.

³² Комиссия была создана в 1951 г., а начиная с 1953 г. начала публиковать материалы своей работы, таким образом как бы побуждая штаты ориентироваться на эти материалы.

³³ Довольно подробный анализ этого документа дан Б. С. Никифоровым в предисловии к его переводу (см.: Примерный уголовный кодекс США. М., 1969).

³⁴ Уголовное право зарубежных стран. Вып. 1: Источники уголовного права. М., 1971. С. 93.

³⁵ The American law institute. Model Penal Code. Proposed official draft. Phil., 1962. P. 123. Ibid. P. 241.

³⁶ Ibid. P. 241.

Не вдаваясь в подробности анализа Примерного УК (в нашей юридической литературе ему в свое время уделялось довольно много внимания³⁷), хотелось бы отметить некоторые его основные черты, которые можно отнести к его достоинствам. Во-первых, по своей структуре и в какой-то степени по содержанию он обнаруживает известное сходство с уголовными кодексами континентальной системы права. Во-вторых, Примерный УК исключает преступления общего права: «Никакое поведение не составляет посягательства, если оно не является преступлением или нарушением по настоящему Кодексу или иному статуту данного штата» (п. 1 ст. 1.05). В-третьих, в Кодексе обнаруживается определенный отказ от старых, архаичных доктрин, стремление к введению единой уголовно-правовой терминологии, более или менее единообразного регулирования вопросов и институтов уголовного права.

Вместе с тем Примерный УК не свободен от недостатков. Кроме тех, которые упоминались выше, можно отметить следующие. Отдельные вопросы излишне теоретизированы и изложены слишком детально (например, правомерное применение насилия описывается на 11 страницах) или вообще очень сложно, путанно (например, причинная связь – ст. 2.03), что затрудняет использование материала в законодательной практике без его дополнительной переработки, нередко существенной. В Кодексе сохранен институт «строгой ответственности» (ст. 2.05), к которому большинство американских юристов-теоретиков относятся критически. «Наказывать поведение без установления психического состояния (вины. – И. К.) исполнителя и неэффективно, и несправедливо», – пишет Г. Пэкер³⁸.

На симпозиуме, посвященном 25-летию Примерного УК, отмечались и многие другие его недостатки. В частности, речь шла о несовершенстве системы назначения наказаний: широко сформулированные определения позволяют судьям при вынесении приговора учитывать слишком широкий круг различных факторов, что приводит к большим различиям в наказаниях за одни и те же преступления³⁹. Однако, по мнению Р. Сингера, говорить об имеющихся в Кодексе недочетах и погрешностях стало возможным только благодаря «коренному достижению Кодекса, а именно тому, что он привнес единообразие и убедительность в хаос общего права и в его развитие в этой стране»⁴⁰. Из сказанного ясно, что принятие Кодекса не повлекло, да и не могло повлечь полного упразднения общего права, но сфера его действия была сужена, роль стала более специфической. Кроме того, «Кодекс дал юристам в масштабе всей страны общий язык и единое понимание» уголовно-правовых вопросов⁴¹.

Одним из первых и в наибольшей степени на «приглашение» откликнулся законодатель штата Нью-Йорк. Принятый там в 1965 г. УК (вступил в силу в 1967 г.) испытал большое влияние Примерного уголовного кодекса, вместе с которым оказал воздействие на реформирование уголовного права во всеамериканском масштабе. Новый УК Нью-Йорка, в отличие от УК 1881 г. (в ред. 1909 г.), – более компактный: насчитывает немногим более 400 статей, т. е. почти в 5 раз меньше. Он имеет четкую и простую структуру, состоит из четырех частей: 1. Общие положения; 2. Наказания; 3. Конкретные посягательства, и 4. Административные положения. Собственно УК – это три первые части, хотя в последние годы отдельные уголовно-правовые положения были включены и в часть 4, например об ответственности за «отмывание» денег (ст. 470.00—470.20). Формально материал Кодекса на Общую и Особенную части не подразделяется, что вообще характерно для американского уголовного права. Но, по существу, такое деление есть: части 1 и 2, включающие в себя 76 параграфов, – Общая часть, а часть 3 – Осо-

³⁷ Те или иные аспекты Примерного УК затрагивались в работах К. Ф. Гуценко, Ф. М. Решетникова, Н. В. Лясс и других авторов, но наиболее полный анализ дан Б. С. Никифоровым.

³⁸ Packer H. Mens rea and the Supreme Court // The Supreme Court Review. 1962. P. 107, 109.

³⁹ Symposium: the 25th anniversary of the Model Penal Code // Rutgers Law Journal. V. 19. 1988. N 3. P. 887.

⁴⁰ Ibid. P. 520.

⁴¹ Ibid.

бенная. Материал расположен не в алфавитном, как в старом УК, а в предметно-логическом порядке.

К настоящему времени реформа уголовного права проведена в большинстве штатов страны: в 38 штатах были приняты и вступили в силу новые уголовные кодексы. Конечно, не все они – результат коренного пересмотра уголовного права в духе рекомендаций Примерного УК⁴². В некоторых штатах ограничились «косметическим ремонтом» с сохранением подчас довольно широких сегментов общего права. По-прежнему в законодательстве штатов сохраняются различия, нередко значительные: например, нет двух кодексов, структуры которых совпадали или были бы сходными. Реформу уголовного законодательства штатов нельзя считать завершенной, хотя бы потому, что во многих из них оно до сих пор не пересмотрено (например, в Калифорнии продолжает действовать УК 1872 г. со всеми присущими ему многочисленными недостатками), но сделан значительный шаг в направлении его упорядочения⁴³. И, судя по всему, процесс реформирования продолжается.⁴⁴

В системе права штата уголовный кодекс чаще всего представлен в виде главы или раздела его свода законов. Так, УК штата Нью-Йорк – это гл. 40, УК штата Иллинойс – гл. 38, а УК штата Огайо – раздел 29, УК штата Кентукки – 50.

Не все уголовно-правовые нормы в штатах кодифицированы, многие из них можно обнаружить в других главах или разделах сводов законов, а также в отдельных законах.

Широко распространенной в штатах является практика регулирования уголовно-правовых отношений при помощи подзаконных актов. Причем такие акты издаются не только высшими органами исполнительной власти, прежде всего губернаторами, но и местными органами власти – в городах и округах. В последних издаются акты, которыми не только конкретизируются, адаптируются к местным условиям нормы законов, но нередко и самостоятельно предусматривается уголовная ответственность, иногда в довольно высоких пределах. Такая практика базируется на соответствующих законодательных положениях. Так, например, в п. 1 ст. 10.00 УК штата

Нью-Йорк сказано, что уголовно наказуемое деяние – это поведение, запрещенное под страхом наказания «любой нормой права данного штата... местным правом... любым приказом, правилом или инструкцией, которые были приняты каким-либо правительственным учреждением...».

Наряду с законодательством источником уголовного права США является общее право. Первоначально и еще длительное время в его основе лежало английское уголовное право. В дальнейшем оно приобретало все более самостоятельный характер, становилось все более «американским», хотя до сих пор заметна его связь с английским правом, особенно с доктриной. По сравнению с английским американское общее право имеет ряд отличий⁴⁵.

В большинстве штатов в силу существующих там запретов – судебных (как, например, в штате Нью-Йорк), а чаще законодательных (например, в штате Огайо – ст. 2901.03 УК или в штате Кентукки – ст. 500.020 УК) – наказывать по нормам общего права нельзя. На такое решение вопроса, во всяком случае в некоторых штатах, подвигла позиция Примерного УК (п. 1 ст. 1.05).

⁴² Поскольку некоторые вопросы в Примерном УК были изложены слишком теоретически, штаты также ориентировались на УК штата Нью-Йорк и проекты Федерального УК, прежде всего «исследовательский» проект (см.: Козочкин И. Д. Реформа американского уголовного права // Государство и право. 1993. № 9. С. 142–151).

⁴³ Козочкин И. Д. 35-летие Примерного уголовного кодекса – годы успехов и неудач в реформировании американского уголовного права // Государство и право. 1998. № 12. С. 82.

⁴⁴ Так, например, сравнительно недавно, в 1989 г., вступил в силу новый УК в штате Теннесси.

⁴⁵ Подробнее см.: Козочкин И. Д. Роль судебной практики в регулировании уголовно-правовых отношений в США // Концепция правового государства и уголовное право. М., 1993. С. 76–91.

С другой стороны, даже в принятое новое уголовное законодательство таких штатов, как Нью-Мексико, Вашингтон и Вирджиния, включены специальные положения о сохранении общего права. В наиболее широких пределах это, по-видимому, допускается УК Флориды (ст. 775.01), где сказано, что общее право «действует в данном штате без каких-либо ограничений». В этих и некоторых других штатах суды не только осуществляют уголовную репрессию по нормам общего права, но и определяют новые преступления, т. е. занимаются прямым нормотворчеством, подменяя собой законодательные органы. В связи с этим можно констатировать, что в США, так же как в Англии, не действует в полном объеме принцип: “Nullum crimen, nulla poena sine lege”.

В большинстве же штатов, где преступления общего права упразднены, законодательство содержит разного рода оговорки, дополнения или исключения, по существу позволяющие считать общее право источником уголовного права. Так, например, в ст. 939.10 УК штата Висконсин, наряду с положением об отмене преступлений общего права, указывается, что правила общего права, не противоречащие Уголовному кодексу, сохраняются. Чаше всего оговорки касаются таких вопросов, как обстоятельства, исключающие уголовную ответственность (самооборона, принуждение, крайняя необходимость, невменяемость и др.). Но даже в штатах, законодательство которых не содержит никаких оговорок, судьи для уяснения используемых в нем терминов (тяжкое или простое убийство, ограбление, нападение, изнасилование и др.) вынуждены прибегать к соответствующим положениям общего права. Другими словами, оно широко применяется для истолкования и практического применения уголовного законодательства, в частности для определения признаков конкретных преступлений, лишь названных, но не раскрытых в нем⁴⁶.

На федеральном уровне, так же как в большинстве штатов, карать за преступления, не предусмотренные законодательством, судам запрещено. Впервые это было сделано еще в 1812 г. Верховным судом страны, который постановил: «Прежде чем какое-либо деяние может быть наказуемо как преступление против Соединенных Штатов, Конгресс должен его определить, установить наказание и указать суд, юрисдикции которого оно подлежит»⁴⁷.

Однако это не значит, что там нет федерального общего права. Осуществляя толкование законодательства, восполняя его пробелы, исправляя другие недостатки, федеральные суды по существу занимаются правотворчеством. Особенно велика в этом роль Верховного суда США, решения которого по соответствующим вопросам обязательны для всех судов страны. Характеризуя ее, бывший его председатель Э. Уоррен сказал: «Я думаю, что никто не может оставаться честным, утверждая, что суд не создает права. Он не создает его сознательно, он не намеревается узурпировать роль Конгресса, но делает это в связи с самим существом нашей работы... Мы создаем право, и иначе быть не может»⁴⁸.

Важнейшим объектом воздействия со стороны Верховного суда была и остается Конституция США. Считаясь самой стабильной в современном мире формально, она по существу, фактически в значительной степени представляет собой результат деятельности судебной власти⁴⁹. Еще в начале XIX в. один из идеологов американской революции Т. Джефферсон говорил, что «Конституция – это всего-навсего восковая игрушка в руках судей, которой они могут играть по своему усмотрению»⁵⁰. Давая толкования тех или иных положений Конституции, иногда прямо противоположные, Верховный суд нередко оказывает большое влияние на уголовную политику в стране. Так, в 1972 г., рассмотрев апелляцию по делу Фурмэна, он

⁴⁶ Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. М., 1993. С. 177.

⁴⁷ См.: Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 132.

⁴⁸ См.: Козочкин И. Д. Роль судебной практики в регулировании уголовно-правовых отношений в США. С. 84.

⁴⁹ Мишин А. А. Государственное право США. М., 1976. С. 32.

⁵⁰ Цит. по: Уголовное право буржуазных стран. Общая часть / Под ред. А. Н. Игнатова и И. Д. Козочкина. М., 1990. С. 47.

постановил, что вынесение смертного приговора (смертная казнь) представляет собой жестокое и необычное наказание, противоречащее VIII и XIV поправкам к Конституции, а в 1976 г., в связи с рассмотрением дела Грегга, решил, что «смертная казнь сама по себе не составляет нарушения Конституции»⁵¹.

Известно, что Верховный суд США, по сути, присвоив себе право осуществления так называемого «судебного конституционного контроля» (так как оно не вытекает ни из Конституции, ни из обычного понимания судебной власти), может, признав неконституционным любой акт Конгресса или легислатур штатов, лишить его юридической защиты. И такое нередко происходило на практике, в том числе с уголовными законами.

В США нет единого общего права. На территории каждого штата силу обязательного судебного прецедента имеют решения, вынесенные федеральными судами всех инстанций и верховным судом этого штата, решения судебных органов других штатов имеют лишь силу «убеждающего прецедента». Хотя в последние десятилетия предпринимаются попытки сближения норм общего права отдельных штатов⁵².

В США существовали различные взгляды на проблему пределов судебного толкования. Раньше всех появилась доктрина точного толкования (*strict construction*), направленная на ограничение сферы применения уголовно-правовых норм. Со временем, особенно в начале XX в., когда у господствующего класса возникла потребность в значительном расширении прав исполнительной власти, прежде всего в области экономики, наметился существенный отход от этой доктрины. На смену ей приходит доктрина расширительного толкования, позволявшая усилить уголовную репрессию или даже распространить ее на новые области. Отмечается, например, что Закон Смита, принятый в 1940 г. в целях борьбы с гитлеровской агентурой, путем расширительного истолкования был распространен (кстати, вопреки конституционным положениям) на участников коммунистического движения⁵³.

Однако под влиянием жесткой критики того судебного произвола, который творился под прикрытием и при помощи этого толкования, сначала в Англии, а затем и в США появляется доктрина правильного, беспристрастного или нормального толкования. Появившаяся как компромисс в отношении двух первых доктрин, она в действительности оказалась лишь завуалированным вариантом второй.

Эта, третья, доктрина вскоре после ее появления получает даже законодательное закрепление, примерами чему могут служить положения, содержащиеся в ст. 4 УК штата Калифорния, а также в ст. 5.00 УК штата Нью-Йорк, где сказано: «Общее правило о том, что уголовный закон подлежит строгому толкованию, не применяется в отношении настоящей главы (представляющей собой УК), но положения, содержащиеся в ней, должны толковаться в соответствии с ясным смыслом их терминов, имея в виду упрочение правосудия и достижение целей права».

Здесь уместно напомнить максимум права англоязычных стран: «Закон не гласит, пока он не истолкован судьями».

В заключение следует отметить, что источником уголовного права США также являются заключенные ими договоры (раздел 2 ст. III и ст. VI Конституции). Так, например, только при наличии соглашения об экстрадиции, заключенного США с соответствующим государством, возможна выдача лица, совершившего предусмотренное федеральным законодательством международное преступление (пиратство, угон самолета, незаконная торговля наркотиками и др.)⁵⁴.

⁵¹ Там же. С. 55.

⁵² Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 169, 171.

⁵³ См.: Гуценко К. Ф. Уголовная юстиция США. М., 1979. С. 85.

⁵⁴ По состоянию на начало 2001 г. США имели соглашения о выдаче со 104 государствами. С Россией договора о выдаче нет (см.: *Federal Criminal Code and Rules*. West Group, 2001. P. 921–922).

В весьма ограниченных пределах источником уголовного права США является право индейских племен (ст. 1152 раздела 18 СЗ США).⁵⁵

⁵⁵ Подробнее о применении права индейских племен см. в следующем параграфе.

§ 2. Действие уголовных законов в пространстве

Применение уголовных законов на определенной территории и в отношении определенного круга лиц в США нередко представляет собой довольно сложную проблему, обусловленную, прежде всего, особенностями американского федерализма, а также нечеткостью и даже запутанностью (если, например, иметь в виду действие законов на индейских территориях) его статутного регулирования.

Условием применения законов является право на их принятие одним из двух видов суверенной власти – федеральной, т. е. всего союза и власти любого из 50 штатов. Вопрос разграничения компетенции федерации и штатов в общем плане затронут в Конституции США (X поправка), но удовлетворительного решения там не получил.⁵⁶ Некоторую ясность внес Верховный суд, дав следующее толкование этой поправки еще в 1819 г.: федерация обладает только теми полномочиями, которые Конституция явно выраженным или подразумеваемым образом предоставила ей; штаты резервируют за собой все другие права, в которых Конституция им прямо не отказывает.⁵⁷

А) Федеральная юрисдикция

Американское уголовное право (доктрина и судебная практика) различает несколько принципов издания и действия федеральных уголовных законов. Основной из них – территориальный, далее следуют: национальный,⁵⁸ «защитительный», пассивно-персональный и универсальный, который некоторые американские юристы еще называют космополитическим.

Территориальный принцип

Этот принцип имеет несколько аспектов. Первый, вероятно, самый значительный, касается полномочий федеральных властей принимать и соответственно применять уголовные законы в пределах всей страны, включая штаты.

Эти полномочия, в целом довольно узкие, по сравнению с полномочиями штатов, основаны на конституционном положении о том, что «Конгресс имеет право... издавать все законы, которые необходимы для осуществления как вышеуказанных (явно выраженных. – И. К.) прав, так и всех других прав, которыми настоящая Конституция наделяет правительство Соединенных Штатов, его департаменты и должностных лиц» (раздел 8 ст. 1). К таким явно выраженным правам относится право регулирования вопросов межштатных отношений,⁵⁹ почтовой связи, налогообложения, а также преследования за военные действия и в других областях.

Несмотря на ограниченный характер федеральной юрисдикции, объем федерального уголовного законодательства рассматриваемого вида со времени создания государства значительно увеличился и в настоящее время достиг внушительных размеров. Другими словами, можно говорить о явно выраженной тенденции к его расширению.

⁵⁶ Эта поправка гласит: «Полномочия, не предоставленные настоящей Конституцией Соединенным Штатам и пользование которыми не возбранено отдельным Штатам, остаются за штатами или за народом».

⁵⁷ McCulloch V. Maryland, 17 U.S. (4 Wheat), 316, 4 L. Ed. 579 (1819).

⁵⁸ В американской юридической литературе термин “nationality” относится к США в целом, а “citizenship” – к штатам. Как «национальный» этот принцип именовался и в нашей юридической литературе (см., например: Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948. С. 267–271).

⁵⁹ Буквально в законодательстве и литературе используется словосочетание «межштатная (междуштатная) торговля», которая понимается очень широко. Правда, иногда Верховный суд ограничивает это понятие. Так, рассматривая дело Лопеза в 1995 г., он признал «недействительным» такое преступление, как владение огнестрельным оружием в школьной зоне, так как оно не имеет «существенного значения» для межштатной торговли (United States V. Lopez, 514 U.S. 549, 115 S. Ct. 1624, 131 L. Ed. 2d 626 (1995)).

У американских юристов вызывает большую озабоченность и даже тревогу количество федеральных преступлений, ежегодно создаваемых Конгрессом. В специальном докладе «Федерализация уголовного права», подготовленном группой авторитетных специалистов, говорится, что «каталог федеральных преступлений изначально от пригоршни увеличился до нескольких тысяч, существующих сейчас». И далее: многие федеральные преступления дублируют те, которые «традиционно преследовались (в уголовном порядке. – И. К.) штатами». Рост количества федеральных преступлений в докладе объясняется политическими соображениями: считается неблагоприятным голосовать против проектов законодательства об ответственности за какое-то преступление «даже если в нем нет необходимости или даже если оно является вредным».⁶⁰ Ну а вред может состоять в том, что обвиняемые, совершившие одинаковые посягательства, могут подпасть под действие разных законов (федеральных или штата) со всеми вытекающими отсюда последствиями, прежде всего в отношении наказания.⁶¹

Законодательство об ответственности за указанные преступления в основном находится в разделе 18 («Преступления и уголовный процесс») Свода законов США.⁶² Оно, по мнению видного ученого Шварца,⁶³ применяется в следующих трех случаях. Во-первых, для борьбы с посягательствами, непосредственно затрагивающими интересы федеральной власти: измена, шпионаж, терроризм, подкуп федеральных должностных лиц, неуплата федеральных налогов, кража (хищение) из национальных банков или федеральной собственности вообще, убийство федеральных должностных лиц и др. Во-вторых, федеральное уголовное законодательство широко используется для борьбы с посягательствами «местного значения, с которыми штатам трудно справиться»: похищение автомобиля, людей, в том числе для занятия проституцией, в одном штате и перегон его или перевозка их в другой, перелет из одного штата, где совершено преступление, в другой с целью избежать уголовного преследования, использование почты для распространения материалов непристойного содержания или наркотиков и вообще в борьбе с наркопреступлениями в национальном масштабе и др. Здесь следует отметить, что федеральное законодательство о налогообложении позволяет наказывать лиц, которым удалось избежать уголовной ответственности за получение материальных благ в нарушение местного законодательства путем вымогательства, под ложным предлогом, путем присвоения чужого имущества, незаконной торговли спиртными напитками и др.⁶⁴ В-третьих, федеральное уголовное законодательство применяется для борьбы с «административными» преступлениями, о которых говорится в следующем параграфе данной главы.

Второй аспект касается издания и применения законов в так называемых «федеральных анклавах», к которым относится Округ Колумбия, где находится столица Соединенных Штатов, и другие территории. На основании Конституции «Конгресс имеет право... осуществлять исключительную законодательную власть во всех случаях в представленном в каком-либо из штатов округе (не превышающем десяти квадратных миль), который с одобрения Конгресса станет местопребыванием Правительства Соединенных Штатов, а также осуществлять подобную власть на всех территориях, приобретенных (букв. “купленных”. – И. К.) с согласия законодательного органа штата. для постройки фортов, казенных складов, арсеналов, верфей и других необходимых сооружений» (ч. 8 ст. 1).

В связи с приведенным конституционным положением можно сделать следующие замечания. Во-первых, в Округе Колумбия действует специально принятый для него Конгрессом

⁶⁰ Task FORCE on the federalization on criminal law. ABA, Criminal Justice Section. 1998. P. 2.

⁶¹ Clymer. Unequal justice: the federalization of criminal law. 70 S. Cal. L. Rev. 1997. P. 643, 646.

⁶² Отдельные его фрагменты можно обнаружить во многих других разделах Свода законов США. Далее, если раздел не указан, то имеется в виду именно раздел 18 Свода законов, который нередко именуется Федеральным УК.

⁶³ Наряду с проф. Векслером и Таппеном, он был докладчиком, ответственным за подготовку Примерного УК.

⁶⁴ Указанные посягательства называют преступлениями с «федеральным элементом», так как они затрагивают интересы федерации в целом или более чем одного штата.

уголовный кодекс. Во-вторых: преступления, совершенные в расположенных в различных штатах других анклавах, где находятся или которые приобретены (зарезервированы) под военные базы или учебные заведения, доки, а также федеральные суды, тюрьмы, национальные парки и прочие объекты,⁶⁵ на которые распространяется «специальная морская и территориальная (сухопутная)» юрисдикция Соединенных

Штатов (п. 3 ст. 7 Федерального УК⁶⁶) подлежат уголовному преследованию по федеральному законодательству. Это довольно длинный перечень «обычных» преступлений, включающий в себя тяжкое и простое убийство, похищение человека, нападение, изувечивание, кражу (хищение), укрывательство похищенного, ограбление и другие посягательства.⁶⁷ Однако, если деяние «не наказуемо по какому-либо законоположению Конгресса», но было бы наказуемо, если было бы совершено в соответствующем штате, где находится анклав, то, по Закону об ассимилированных преступлениях (ст. 13 Федерального УК), лицо, его совершившее, «признается виновным в сходном посягательстве и подлежит сходному наказанию». Несмотря на, казалось бы, достаточную ясность позиции законодателя, иногда на практике в случаях, когда элементы какого-то преступления совпадали статутам федеральному и соответствующего штата, возникали трудности в решении вопроса о том, какой из них следует применять. Из постановления одного из федеральных окружных судов можно сделать вывод о том, что законы штата применяются только тогда, когда такое деяние не наказуемо по федеральному статуту.⁶⁸ Однако ранее (1998 г.) Верховный суд по данному вопросу занял менее определенную позицию.⁶⁹

В 1996 г. действие указанного Закона было распространено на лиц, совершивших деяния «на, над или под какой-либо частью территориального моря Соединенных Штатов, не находящейся в пределах юрисдикции какого-либо штата...» (п. «а» ст. 13 Федерального УК).

Вопрос об упомянутой выше «специальной» юрисдикции неоднократно поднимался в судебной практике в связи с совершением преступлений в сходных анклавах за пределами США. Решался этот вопрос по-разному, прежде всего потому, что в законодательстве сколько-нибудь четко он урегулирован не был.⁷⁰ Как представляется, в основном разногласия сняты принятым Конгрессом в 2001 г. дополнением к ст. 7, согласно которому преступление, совершенное гражданином США или против него, наказуемо по федеральному законодательству, так как понятие «специальная морская и территориальная юрисдикция» теперь включает в себя и «А) объекты недвижимости (premises) американских дипломатических, консульских, военных или других государственных (правительственных) миссий или образований, включая здания, части зданий и участки земли, примыкающие к ним или используемые для целей таких миссий или образований, безотносительно к праву собственности на них, и В) места проживания (пребывания) в зарубежных странах и участки земли, примыкающие к ним, безотносительно к праву собственности на них, используемые для целей таких миссий или образований либо персоналом Соединенных Штатов, назначенным для работы в таких миссиях или образованиях» (п. 9).

⁶⁵ Федеральное правительство владеет 23 % всей сухопутной поверхности Соединенных Штатов.

⁶⁶ Содержащееся там определение «специальной морской и территориальной юрисдикции» представляет собой несколько расширенный вариант второй части вышеприведенного конституционного положения, но включает в себя те же объекты.

⁶⁷ В основном описания этих преступлений находятся в Федеральном УК. Как правило, они содержат указания, что наказуемы, если совершены в пределах «специальной морской и территориальной юрисдикции Соединенных Штатов».

⁶⁸ United States V. Waites, 198 F. 3d 1123 (9th Cir. 2000).

⁶⁹ Lewis V. United States, 523 U.S. 155, 118 S. Ct. 1135, 140 L. Ed. 2d 271 (1998).

⁷⁰ В п. 3 ст. 7 по этому вопросу сказано, что «специальная морская и территориальная юрисдикция включает в себя все земли, зарезервированные или приобретенные для использования Соединенными Штатами и находящиеся под их исключительной или совместной юрисдикцией.»

Третий аспект территориального принципа означает, что, во-первых, федеральные власти имеют право принимать и применять уголовные законы в пределах «специальной морской и территориальной» или «адмиралтейской и морской» юрисдикции⁷¹ для преследования за деяния, совершаемые на борту американского водного или воздушного судна, когда оно находится в открытом море или над ним, в водах США или над ними, или даже в водах или портах зарубежного государства, если оно не возражает или дает согласие на это. Здесь необходимо дать некоторые пояснения. Таким судном является любое судно, «принадлежащее, полностью или частично, Соединенным Штатам или любому их гражданину или любой корпорации, созданной по законам Соединенных Штатов, любого их штата... когда такое судно находится в пределах адмиралтейской и морской юрисдикции Соединенных Штатов и за пределами юрисдикции какого-либо конкретного штата» (п. 1 и 5 ст. 7 Федерального УК).⁷²

Нередко упомянутое «согласие» зарубежного государства получает закрепление в договоре, в котором проводится различие между преступлениями, затрагивающими интересы только лиц, находящихся на борту, и преступлениями, посягающими на спокойствие и достоинство такого государства.

И, наконец, здесь следует отметить, что под американскую юрисдикцию подпадает любое транспортное средство, предназначенное для полета в космос, зарегистрированное в Соединенных Штатах, как предусмотрено соответствующими международно-правовыми актами⁷³, которое находится в полете с момента, когда все наружные двери закрыты на Земле (после загрузки или посадки) до момента, когда хотя бы одна такая дверь уже открыта на Земле для выгрузки или выхода (п. 6 ст. 7).⁷⁴

Иногда можно говорить о совместной (совпадающей) юрисдикции (федеральной и какого-либо штата), в частности, в отношении самолета и совершаемых на его борту преступлений, когда он летит над Соединенными Штатами. Такой вывод вытекает из двух фактов. С одной стороны, Конгресс наделил федеральные власти «исключительным суверенитетом» в данной области (ст. 40103 раздела 49 Свода законов), а с другой – суд, рассматривая конкретное дело,⁷⁵ постановил: федеральный закон об авиации не лишает какой-либо штат юрисдикции в отношении некоторых преступлений, совершенных на борту самолета, находящегося в полете над таким штатом.

Во-вторых, он означает, что США могут осуществлять уголовное преследование за деяние, совершенное на водных судах любой национальной (государственной) принадлежности в их территориальных водах, в пределах полосы шириной 12 морских (13,8 обычных) миль от берега.⁷⁶ Суверенитет федерации в этих пределах такой же, «какой она имеет в отношении

⁷¹ Это право нередко именуется правом «государства флага», которое «может осуществлять юрисдикцию в отношении определенного судна или поведения, имеющего место на нем» (Restatement (Third) of the foreign relations law of the United States, 1987, § 502 (2)).

⁷² А также любое водное судно, зарегистрированное или нанятое по законам США, находящееся в плавании в водах Великих озер или соединяющих их, или по реке Св. Лаврентия, где она образует международную границу (п. 2 ст. 7).

⁷³ Это договор о принципах, регулирующих деятельность государств в исследовании и использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, и Конвенция о регистрации предметов, запущенных в открытый космос.

⁷⁴ А в случае вынужденной посадки – до того момента, когда компетентные власти возьмут на себя ответственность за транспортное средство, а также за людей и имущество, находящихся на его борту.

⁷⁵ Суть дела состояла в том, что лицо было привлечено к уголовной ответственности за владение марихуаной в самолете, пролетавшем над штатом Нью-Мексико (Marsh V. State, 95 N.M. 224, 620 P. 2d 878 (1980)).

⁷⁶ Морская конвенция 1982 г., ратифицированная большинством государств – членом ООН, но не США, позволяет объявлять территориальными водами полосу шириной в 12 морских миль, а также зону шириной до 24 морских миль от берега. Президентской прокламацией от 2 сентября 1999 г. эти пределы были приняты и Соединенными Штатами (N.Y. Times. P. A13. Sept. 3. 1999). Однако не совсем понятно, в каком объеме они могут осуществлять юрисдикцию в дополнительной 12-мильной зоне.

своей сухопутной территории»⁷⁷ при условии, однако, предоставления «судам всех стран права на невинный проход»⁷⁸.

Кроме сказанного выше, следует отметить два случая, когда установление, а по существу расширение, морской юрисдикции направлено на более эффективную борьбу с распространением наркотиков. В соответствии со ст. 1903 раздела 46 (доп.) Свода законов американское законодательство⁷⁹ применяется к лицам, которые изготавливают, распространяют или владеют с целью распространения контролируемые веществами на борту судна, которое: а) «зарегистрировано в иностранном государстве, если государство флага согласилось или сняло возражения относительно применения Соединенными Штатами своего закона»⁸⁰, и б) «является судном, не имеющим национальной (государственной) принадлежности». В первом случае осуществление такой юрисдикции было признано судебной практикой надлежащим,⁸¹ так как основано на праве, предоставленном Конституцией Конгрессу, «определять и карать пиратство и фелонии,⁸² совершенные в открытом море, а также посягательства против международного права» (ч. 8 ст. 1). Во втором случае – также надлежащим, но по другому основанию; а именно потому, что суда без национальной (государственной) принадлежности «являются пиратами, не имеющими международно признанного права свободно плавать в открытом море».⁸³

Столь значительное расширение прав федеральных властей США, как прямо отмечается в п. “h” ст. 1903 раздела 46 (доп.) Свода законов, направлено на то, чтобы «достать» такие действия, как «владение, изготовление или распространение» наркотиков, совершенные за пределами американской территориальной юрисдикции.⁸⁴

Для решения вопроса о том, когда должен быть применен американский федеральный закон, а когда – какой-то другой, большое значение имеет определение места совершения преступления.

Если все элементы преступления реализованы на федеральной территории, то совершенно ясно, что должен быть применен соответствующий федеральный закон. Однако более сложными оказываются ситуации, когда, например, деяние совершено на федеральной территории, а последствия наступили где-то еще или наоборот. Законодательно этот вопрос не урегулирован,⁸⁵ а в судебной практике наблюдаются разные подходы к его решению. В одних случаях суды придерживаются правила, выработанного общим правом, во-первых, о том, что каждое преступление имеет только одно место его совершения, и, во-вторых, о том, что таковым является место, где деяние «возымело» действие, даже если окончательный результат наступил где-то еще. Так, если убийца стреляет в Округе Колумбия в потерпевшего, который в результате причиненного ранения умирает в штате Нью-Джерси, дело имеют право рассматривать федеральные суды Округа Колумбия (1882 г.).⁸⁶ Другой, более «свежий» пример: дело обвиняемого

⁷⁷ Restatement (Third) of the foreign relations law... § 512.

⁷⁸ Benedict on Admiralty. 7-th ed., 2 § 112 (a) (5) (i).

⁷⁹ См. ст. 1010 Комплексного закона о предупреждении злоупотреблений и контроле за наркотиками 1970 г. (ст. 960 раздела 21 Свода законов).

⁸⁰ «Согласие или снятие возражения» может быть осуществлено по радио, телефону и другим подобным устным или электронным способом в любой момент до судебного разбирательства.

⁸¹ United States V. Suerte, 291 F. 3d 366 (5th Cir. 2002).

⁸² По общему правилу в настоящее время фелонии – это деяния, караемые лишением свободы на срок свыше одного года.

⁸³ United States V. Marino-Garcia, 675 F. 2d 1373 (11th Cir. 1982).

⁸⁴ В указанной статье содержатся основные положения специального закона (Maritime drug law enforcement Act), в котором предусматривается ответственность за изготовление, сбыт или владение с этой целью наркотиками на борту судна.

⁸⁵ Нельзя признать решением вопроса единственное положение, содержащееся в СЗ США, причем частного характера (применительно к водным судам), следующего содержания: «Все юрисдикционные вопросы, возникающие в связи с применением данной главы (гл. 38 раздела 46 (доп.) СЗ), являются предварительными вопросами права, которые должны быть решены только судьей, рассматривающим дело» (п. «f» ст. 1903 того же раздела СЗ).

⁸⁶ Это дело было связано с убийством президента Дж. Гарфилда (United States V. Guiteau, 12 D.C. (1 Mackey) 498 (1882)).

в тяжком убийстве, который нанес удар потерпевшему за пределами военной базы, в результате которого тот скончался на ее территории, было признано не подлежащим федеральной юрисдикции.⁸⁷

В других случаях суды придерживаются так называемой «доктрины эффекта»,⁸⁸ которая в современном виде была сформулирована в 1945 г. Рассматривая дело *Alcoa*, суд постановил: антитрестовское законодательство может быть применено безотносительно к тому, где деяние за границей замышлялось и где в пределах США оно действительно имело своим результатом существенный «эффект».⁸⁹ Несмотря на то, что дело было по существу гражданско-правовым, данное правило стало применяться и в уголовных делах, причем не только связанных с нарушением этого законодательства. Согласно указанной доктрине, как отмечалось в одном из последних судебных решений по рассматриваемому вопросу, для признания федеральной территориальной юрисдикции важно установить, что «действия, совершенные за пределами США, вызвали вредный результат (эффект) в пределах США».⁹⁰

Однако «доктрина эффекта», или «действительного эффекта», как ее еще называют, оказывалась неподходящей, узкой, когда возникал вопрос об ответственности за неоконченные посягательства, в частности за сговор.⁹¹ В этих случаях для установления федеральной территориальной юрисдикции суды используют «тест намерения». Причем этот тест применяется даже тогда, когда сговор, имевший место за пределами США, не был подтвержден каким-либо «явным» или любым действием, совершенным в США. Необходимо лишь доказать, что было намерение... чтобы сговор был осуществлен в пределах США.⁹²

Более того, «тест намерения» применяется некоторыми судами для установления территориальной юрисдикции и в отношении других деяний. Так, например, владение большим количеством марихуаны с целью ее сбыта (что обвиняемым вменялось в вину) на судне, находившемся на расстоянии нескольких сотен миль от побережья США, было признано судом подпадающим под американскую юрисдикцию. Доводы обвиняемых, что «традиционное требование международного права о том, что государство осуществляет свою уголовную юрисдикцию в отношении действий, совершаемых за пределами территориальных границ, только когда эффект имеет место в пределах этих границ», суд отклонил. Сославшись на мнение некоторых ученых о том, что традиционное правило претерпело изменения,⁹³ он заключил: международное право разрешает осуществлять юрисдикцию в отношении каждого пункта обвинения в данном деле, если «желаемый эффект в США, а не действительный, доказан».⁹⁴

Несмотря на то, что некоторые суды восприняли эту доктрину «на ура», так как она позволяет, по их мнению, правильно применять «объективно-территориальный принцип», другие, как, впрочем, и некоторые ученые, посчитали, что приведенный вывод суда более относится к «защитительному» принципу, т. е. к экстерриториальной юрисдикции государства.⁹⁵

⁸⁷ *United States V. Parker*, 622 F. 2d 298 (8th Cir. 1980).

⁸⁸ Эта доктрина еще иногда именуется «объективно-территориальным принципом», в отличие от вышеуказанной, получившей название «субъективно-территориальный принцип».

⁸⁹ *United States V. Aluminium Co. of America*, 148 F. 2d 416 (2nd Cir. 1945).

⁹⁰ *United States V. Hill*, 279 F. 3d 731 (9th Cir. 2002).

⁹¹ См. § 4 гл. 2 данной работы.

⁹² *United States V. Ricardo*, 619 F. 2d 1124 (5th Cir. 1980).

⁹³ Это мнение в дальнейшем нашло отражение в соответствующем документе, где сказано, что государство может осуществлять юрисдикцию в отношении «поведения, осуществленного за его пределами, которое имело или должно было иметь существенный эффект в пределах его территории» (*Restatement (Third) of the foreign relations law.. § 402 (1) (c)*).

⁹⁴ *United States V. Wright-Barker*, 784 F.2d 161 (3d Cir. 1986).

⁹⁵ *Podgor E. Globalization and the federal prosecution of white Collar crime*. 34 Am. Crim. L. Rev. 1997. P. 325, 342–343.

Вообще же в рамках экстерриториальности международное право признает четыре принципа действия закона в пространстве: национальный, защитительный, пассивно-персональный и универсальный.

Основной общий вопрос, который возникает здесь, состоит в том, могут ли эти принципы применяться непосредственно, как бы автоматически, расширяя сферу действия федерального законодательства, или только при наличии специального мандата Конгресса.

В судебной практике и доктрине можно обнаружить два принципиально отличающихся друг от друга варианта его решения.

Суть первого, который базируется на решении Верховного суда 1909 г., можно свести к правилу о презумпции против экстерриториальности.⁹⁶

Однако в дальнейшем позиция Верховного суда по данному вопросу была довольно непоследовательной: он то игнорировал это правило, то вновь «оживлял» его. Так, сравнительно недавно (1991 г.) он заявил: «Устоявшимся принципом американского права является то, что законодательство Конгресса, если иное намерение не усматривается, применяется только в пределах территориальной юрисдикции Соединенных Штатов... Этот канон толкования... обоснованный подход, посредством которого может быть установлено невыраженное намерение Конгресса».⁹⁷

К счастью, пишет У. Лафейв, нижестоящие суды единодушны в том, что презумпция против экстерриториальности не является ясно выраженным правилом, да и сам Верховный суд, продолжает он, искал «всевозможные доказательства» для опровержения презумпции.⁹⁸

Второй вариант, наоборот, представляет собой презумпцию, что Конгресс в выборе какой-либо экстерриториальной юрисдикции не имел намерения выйти за рамки того, что является признанным международным правом. Это правило появилось в 1804 г., когда Верховный суд указал, что «любой акт Конгресса не должен толковаться как нарушающий право наций, если есть еще какое-либо другое возможное толкование».⁹⁹ Указанное правило довольно последовательно применяется Верховным судом и нижестоящими федеральными судами. Однако некоторые юристы выступают за еще бóльшую «интернационализацию концепции» правила. Согласно такому подходу судам следует использовать это правило не для реализации намерения законодателя, а для воспрепятствования Конгрессу нарушить международное право..¹⁰⁰ В этом случае, пишет Брэдли, они, скорее, действуют как «агенты международного права», а не Конгресса.¹⁰¹ Думается, общепризнанным такой подход не стал, так как, по мнению этого автора, в случае коллизии норм «федерального статута и ранее заключенного договора или обычного международного права американские суды должны применять статут».¹⁰² Такой вывод вытекает из судебной практики – решений Верховного суда и федеральных окружных судов, в том числе вынесенных сравнительно недавно (1996 г.).

«Окончательной основой для транснационального уголовного законодательства», полагает другой автор, являются конституционные «полномочия по регулированию внешних сно-

⁹⁶ Выступая по этому делу, судья Холмс заявил: «Общее и почти универсальное правило состоит в том, что характер действия, правомерного или противоправного, должен полностью определяться законом страны, где действие совершено» и что это «в случае сомнения должно привести к такому толкованию какого-либо статута, которое направлено на ограничение его применения и действия территориальными границами, в пределах которых законодатель имеет общее и законное полномочие» (*American Banana Co. V. United Fruit Co.*, 213 U.S. 347, 29 S. Ct. 511, 53 L.Ed 826 (1909)).

⁹⁷ *E.E.O.C. V. Arabian American Oil Co.* 499 U.S. 244, 111 S. Ct. 1227, 113 L.Ed. 2d 274 (1991).

⁹⁸ *LaFave W. Criminal law*. St. Paul, MN. Thomson, West, 2003. P. 204.

⁹⁹ *Murray V. Schooner Charming Betsy*, 6 U.S. (2 Cranch) 64, 2L.Ed. 208 (1804).

¹⁰⁰ *Bradley. The Charming Betsy canon and separation of powers: Rethinking the interpretive role of international law*. 86 Geo. L.J., 1998. P. 479.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 498.

¹⁰² *Ibid.* P. 497–498.

шений, право определять и карать пиратство и фелонии в открытом море и посягательства против международного права», а также «издавать все законы, которые необходимы...». ¹⁰³

Национальный принцип

Этот принцип, являясь общепризнанным в международном праве, означает, что государство оказывает своим гражданам покровительство, включая защиту за рубежом, в обмен на соблюдение своего законодательства.

Практика Верховного суда показывает, что экстерриториальное применение американского законодательства в соответствии с этим принципом – явление нормальное. С точки зрения внутригосударственного права оно (применение) основано на конституционном положении о том, что «Конгресс имеет право регулировать отношения (букв. торговлю. – И. К.) с иностранными государствами (ч. 8 ст. 1). С точки зрения международного права – на положениях соответствующих конвенций и других актов, стороной которых являются Соединенные Штаты. Их реализация нашла отражение в уголовном законодательстве – в основном в разделе 18 СЗ (Федеральный УК). ¹⁰⁴ Насчитывается более 20 преступлений, в описании которых указывается, что в случае их совершения за пределами США действует американская экстерриториальная юрисдикция, основанная на национальном принципе. Так, в ст. 1119 говорится, что если лицо, являющееся американцем, убивает или пытается убить американца, в то время, когда тот находится за пределами США, но в пределах юрисдикции другой страны, оно наказывается, как предусмотрено ст. 1111, 1112 и 1113 Федерального УК. ¹⁰⁵ Если в соответствующей статье специальное указание отсутствует, то иногда суд сам принимает решение о том, что она имеет экстерриториальное действие. Например, рассматривая дело по ст. 2251 о сексуальной эксплуатации детей, окружной суд постановил: хотя данная статья «прямо не предусматривает, что она применяется в отношении поведения, осуществленного за пределами Соединенных Штатов», она применима в данном случае, так как любое государство может применять свои статуты «в отношении экстерриториальных действий, совершенных своими гражданами» ¹⁰⁶.

В связи с тем, что после Второй мировой войны многочисленный военный персонал, а также связанные с ним гражданские лица, в том числе члены семей, были дислоцированы в различных частях света, возникла необходимость в специальном регулировании вопроса юрисдикции в случаях совершения ими там преступлений. Для его решения США заключили соответствующие двухсторонние соглашения с государствами пребывания, согласно которым получили право на создание там военных судов, наделенных базирующейся на национальном принципе юрисдикцией в отношении определенных видов преступлений, и всех преступлений, предусмотренных Единым кодексом военной юстиции (раздел 1 °СЗ), если их субъектами являются американские военнослужащие. Так, недавно американский военный трибунал в г. Висбадене (ФРГ) приговорил капитана армии США Майнулета к 10 годам (!) тюремного заключения за преднамеренное, ничем не оправданное (т. е. совершенное не в ходе боевых действий) убийство иракца в г. Эн-Наджар. ¹⁰⁷

Однако, поскольку Верховный суд неоднократно указывал, что рассмотрение дел, связанных с совершением преступлений американскими гражданскими лицами, в этих судах явля-

¹⁰³ Tuerkimer. Globalization of U.S. law enforcement: does the Constitution come along? 39 Houston L. Rev. 2002. P. 314.

¹⁰⁴ Однако не все соответствующие области уголовного права оказались «покрытыми» такими конвенциями, что, по мнению Уотсона, стало причиной того, что «основанная на национальном принципе юрисдикция стала похожа на лоскутное одеяло» (Watson. Offenders abroad the case for nationality-based criminal jurisdiction. 17 Yale J. Int'l L., 1992. P. 53).

¹⁰⁵ В этих статьях предусматривается ответственность, соответственно, за тяжкое, простое убийство и за покушение на их совершение.

¹⁰⁶ United States V. Thomas, 893 F.2d 1066 (9th Cir. 1990).

¹⁰⁷ Труд. 2005. 2 апр. С. 4. – Думается, что если бы такое убийство было совершено в США, виновный понес бы гораздо более суровое наказание.

ется неконституционным (как нарушающее право на суд присяжных и другие права, гарантированные Конституцией), возник своеобразный юрисдикционный пробел. Он был восполнен лишь в 2000 г. Законом о военной экстерриториальной юрисдикции, основные положения которого включены в одноименную гл. 212 Федерального УК. В соответствии со ст. 3261 (п. “а”) «лицо, которое осуществляет поведение за пределами Соединенных Штатов, которое составило бы посягательство, караемое тюремным заключением сроком более одного года, если поведение было осуществлено в пределах специальной морской и территориальной юрисдикции США... наказывается, как предусмотрено за тяжкое посягательство». Лицом, которому инкриминируется указанное поведение, т. е. подпадающим под действие этого закона, может быть: 1) гражданский служащий Министерства обороны или его подрядчика; 2) лицо, находящееся на иждивении у военнослужащего, гражданского служащего Министерства обороны или служащего его подрядчика, и 3) член Вооруженных сил, который не привлекался к суду по Единообразному кодексу военной юстиции (гл. 47 раздела 1 °СЗ) до оставления службы. Начальное производство по делу какого-то лица осуществляется по телефону федеральным магистратом (судьей), который затем, по установлении достаточного основания, может предписать его направление в США для судебного разбирательства. Однако уголовное преследование не может быть начато, «если иностранное государство в соответствии с юрисдикцией, признанной Соединенными Штатами, подвергло уголовному преследованию или преследует такое лицо за поведение, составляющее такое посягательство», но с согласия Генерального атторнея или его заместителя (п. “b” ст. 3261).

*Защитительный принцип*¹⁰⁸

Этот принцип вытекает из признания международным правом «права государства наказывать за ограниченную группу посягательств, совершенных за пределами его территории, лицами, которые не являются его гражданами; это – посягательства, направленные против безопасности государства, или другие посягательства, угрожающие нерушимости государственных функций, которые обычно признаются развитыми правовыми системами в качестве преступлений, а именно: шпионаж, подделка государственных печатей или денежных знаков, фальсификация официальных документов, а также лжесвидетельство сотруднику консульства и сговор с целью нарушения иммиграционного или таможенного законодательства».¹⁰⁹

Ранее этот принцип суды англосаксонской системы права, в том числе американские, применяли гораздо реже, нежели суды стран континентальной системы права. Однако в последние десятилетия они стали прибегать к нему довольно часто.

По-видимому, впервые этот принцип был применен в 1960 г. по делу Родригеза, в котором обвиняемым инкриминировалась дача ложных сведений сотруднику американского консульства за рубежом. Рассматривая это дело, суд пришел к выводу, что американская юрисдикция в данном случае основана на защитительном принципе, поскольку «въезд иностранца в США, гарантированный посредством представления ложных заявлений или документов, является посягательством, непосредственно направленным на суверенитет США».¹¹⁰

В дальнейшем защитительный принцип применялся в случаях совершения гораздо более серьезных преступлений. Например, сославшись на «неотъемлемое право (государства) защищать себя от уничтожения», суд посчитал, что он распространяется на шпионскую деятельность, осуществляемую иностранцем против США в другой стране.¹¹¹ Применение этого принципа было признано оправданным для преследования за такие совершенные иностранцами

¹⁰⁸ Согласно российской уголовно-правовой доктрине это, скорее всего, реальный принцип действия уголовного закона в пространстве.

¹⁰⁹ Restatement (Third) of the foreign relations law... § 402 (f).

¹¹⁰ United States V. Rodriguez, 182 F. Supp. 479 (S. D. Cal. 1960).

¹¹¹ United States V. Zehe, 601 F. Supp. 196 (D. Mass. 1985).

за пределами США преступления, как-то: убийство конгрессмена (1981 г.), совершение акта насильственной мести за борьбу с наркотизмом (1991 г.), похищение агента Управления по борьбе с распространением наркотиков (1992 г.) или даже убийство обычных граждан, так как их по ошибке приняли за агентов этого Управления (1994 г.).

Вообще, следует заметить, что защитительный принцип широко используется американскими судами для экстерриториального применения федеральных законов о наркотиках, поскольку «контрабанда наркотиками угрожает безопасности и суверенитету США, затрагивая их Вооруженные силы, способствует распространению преступности и уклонению от соблюдения федерального таможенного законодательства». ¹¹²

*Пассивно-персональный принцип*¹¹³

Этот принцип означает, что государство может применять свой закон в отношении деяния, совершенного за его пределами лицом, не являющимся его гражданином, если потерпевший – его гражданин. ¹¹⁴

Уотсон и некоторые другие авторы характеризуют этот принцип как самый спорный из всех оснований осуществления экстерриториальной юрисдикции. Обычно критика, которая высказывается по адресу пассивно-персонального принципа, сводится к следующим моментам: 1) его реализация представляет собой значительное посягательство на суверенитет другого государства, где преступление было совершено, или государства, гражданином которого является правонарушитель, к которому совершенное преступление имеет большее отношение, чем к государству, гражданином которого является потерпевший; 2) в определенных случаях он лишает потенциального обвиняемого возможности знать, что его поведение преступно, так как применяется норма уголовного права государства, гражданином которого является потерпевший; 3) этот принцип трудно реализуем на практике по двум причинам: во-первых, потому что государство, гражданином которого является потерпевший, часто не может осуществить как положено уголовное преследование потенциального обвиняемого в силу отсутствия или недостатка доказательств, а во-вторых, потому, что многие договоры об экстрадиции не позволяют производить выдачу беглецов государству, гражданином которого является потерпевший. ¹¹⁵

Ранее отношение США к этому принципу было в целом отрицательным, особенно в случаях, когда вставал вопрос об уголовном преследовании американских граждан, совершивших преступления по праву какой-либо страны. Однако такое отношение стало меняться в конце XX в. после того, как участились акты международного терроризма, которые «подтолкнули» США к осознанию необходимости применения пассивно-персонального принципа.

В плане имплементации Международной конвенции против захвата заложников 1979 г. ¹¹⁶ Конгресс в 1984 г. принял одноименный закон, который нашел отражение в ст. 1203 раздела 18 СЗ. В ней специально отмечается, что она действует в отношении поведения, осуществляемого «за пределами Соединенных Штатов», если «лицо, которое захватили или удерживают, является гражданином Соединенных Штатов». Однако указанный Закон также позволяет применять защитительный принцип, так как предусмотренное в нем преступление (захват заложника с целью оказания давления на правительство ¹¹⁷) может представлять собой посягательство на интересы государственной безопасности.

¹¹² United States V. Newball, 524 F. Supp. 715 (E. D. N.Y. 1981).

¹¹³ Название, конечно, условное, но весьма устоявшееся в американской юридической литературе.

¹¹⁴ Restatement (Third) of the foreign relations law... § 402 (comment “g”).

¹¹⁵ Watson A. The passive personality principle. 28 Tex. Int’L L.J. 1993. P. 1–2, 14–15.

¹¹⁶ Эта конвенция призывает все государства установить экстерриториальную юрисдикцию в отношении преступлений терроризма, совершаемых как их гражданами, так и против них. (п. 1 (d) ст. 5).

¹¹⁷ Это преступление карается тюремным заключением на любой срок или пожизненно, а в случае смерти потерпевшего

Примерно то же самое можно сказать и о другом Законе, принятом Конгрессом в 1986 г.¹¹⁸ (ст. 2332 раздела 18 СЗ), который предусматривает ответственность за убийство гражданина США за пределами страны.¹¹⁹ И, несмотря на то, что «такое преступление может быть направлено на принуждение, запугивание или отмишение в отношении правительства или гражданского населения», этот Закон, делая акцент на гражданстве потерпевшего, «содержит, по крайней мере, элемент пассивно-персональной юрисдикции государства».¹²⁰

Принятие и применение этих законов, позволяющих наказывать иностранцев за преступления, совершенные против американцев за пределами США, на основании пассивно-персонального принципа, вызвали одобрение одних авторов и критику со стороны других. К числу последних относится и Абрамовски, который резонно полагает, что такой подход может побудить другие государства прибегнуть к ответным мерам в соответствующих случаях, т. е. подвергать уголовному преследованию американских граждан на основе указанного принципа.¹²¹ Однако следует отметить, что в последующие годы, особенно после трагических событий 2001 г., на пассивно-персональный принцип в США в большей мере полагаются в целях борьбы с терроризмом, прежде всего с международным, а не с «обычными» преступлениями. Об этом свидетельствуют изданные статуты – новые или представляющие собой поправки к ранее действовавшим. Это, например, законоположения об ответственности за использование определенных видов оружия массового поражения «против гражданина Соединенных Штатов в то время, когда такой гражданин находится за пределами Соединенных Штатов» (ст. 2332а) или за производство взрыва в общественном месте с целью убийства, причинения телесного вреда или значительного ущерба имуществу, когда «посягательство имеет место за пределами Соединенных Штатов и... потерпевший является гражданином Соединенных Штатов» (ст. 2332f раздела 18 СЗ).

Универсальный (космополитический) принцип

Этот принцип действует в силу того, что «международное право разрешает любому государству применять свои законы, чтобы покарать определенные посягательства» безотносительно к месту совершения посягательства, а также к национальной принадлежности правонарушителя или потерпевшего.¹²²

Универсальный принцип отличается от других принципов экстерриториального действия уголовных законов, прежде всего, тем, что он призван сделать более эффективной борьбу с преступлениями международными и так называемыми «конвенционными», т. е. с преступлениями международного характера¹²³.

Бассиуни пишет, что государство, которое осуществляет юрисдикцию на основе этого принципа, «действует от имени международного сообщества, так как оно как член этого сообщества заинтересовано в сохранении мирового порядка»¹²⁴.

С точки зрения международного права универсальный принцип распространяется на весьма узкий круг посягательств. Вероятно, исторически первым было пиратство. Еще в 1920 г. Верховный суд, рассматривая дело Смита, отметил, что оно является «преступлением про-

– пожизненным тюремным заключением или смертной казнью (п. “а” ст. 1203).

¹¹⁸ Omnibus diplomatic security and antiterrorism Act.

¹¹⁹ О наказании за убийство и другие связанные с ним посягательства по ст. 2332 см. § 4 гл. 4 Особенной части.

¹²⁰ Watson A. Op. cit. P. 10.

¹²¹ Abramovsky. Extraterritorial jurisdiction: The United States Unwarranted attempt to alter international law in United States V. Ynis. 15 Yale J. Int'l L. 121, 138-47 (1990).

¹²² Restatement (Third) of the foreign relations law... § 404 (comment “a”).

¹²³ Подробнее см.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М., 1999. С. 112 и сл.

¹²⁴ Bassiouni M. Cherif. Universal jurisdiction for intentional crimes: historical perspectives and contemporary practice. 42 Va. J. Int'l L. 2001. P. 88.

тив права наций» и должно караться любым государством, которое задерживает правонарушителя.¹²⁵ Ответственность за пиратство предусматривается Федеральным УК.¹²⁶

В настоящее время универсальная юрисдикция распространяется на такие посягательства «всеобщей озабоченности», как-то: работорговля, геноцид, нападение или захват самолетов, военные преступления, отдельные акты терроризма,¹²⁷ а также, как считают некоторые американские ученые, загрязнение международных вод¹²⁸.

Уголовные преследования на основе универсального принципа имеют место, но они довольно редки. По мнению Брэдли, это объясняется двумя причинами. Во-первых, потому, что отдельные государства могут манипулировать или злоупотреблять предоставленными им в мировом масштабе правами по уголовному преследованию определенных лиц, а во-вторых, потому, что «есть опасность, что преследование иностранных граждан... особенно зарубежных руководителей, подрвет мирный характер международных отношений»¹²⁹.

США, думается, прежде всего по политическим соображениям, очень неохотно осуществляли уголовное преследование или выдачу лиц, совершивших преступления международного характера, а советских граждан – практически никогда. Вспомним хотя бы дело Овечкиных, которые захватили и угнали самолет и убили стюардессу. При этом американские власти нередко ссылались на отсутствие соответствующих международных договоров или положений национального законодательства. Однако, как представляется, в последние годы, особенно после событий 2001 г., они начали активизировать борьбу с определенными преступлениями (угон самолета, захват заложников, авиадиверсия и некоторые другие) на основе универсального принципа, если лица, их совершившие, оказались или были найдены в США, включая случаи, когда такие лица были доставлены в США сотрудниками их правоохранительных органов.¹³⁰

У. Лафейв считает, что используемая американскими судами терминология, когда они применяют специальный закон о борьбе с распространением наркотиков,¹³¹ позволяет говорить о том, что, помимо других принципов,¹³² они также опираются на универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Об этом, по его мнению, свидетельствуют такие словосочетания, как «международные пари» (используемые применительно к судам, на которых перевозятся наркотики) или «получивший всеобщее осуждение законопослушными государствами» наркотрафик.¹³³

Б) Юрисдикция штатов

Основным и, можно сказать за небольшими исключениями, единственным принципом действия уголовных законов штатов¹³⁴ в пространстве является территориальный принцип.

В отличие от федерации в целом компетенция каждого из 50 штатов по вопросам издания и, следовательно, применения уголовных законов на своей территории более широкая. С учетом ограничений, предусмотренных Конституцией США, федеральными законами и кон-

¹²⁵ United States V. Smith, 18 U.S. (5 Wheat) 153. 5 L. Ed. 57 (1820).

¹²⁶ «Тот, кто, находясь в открытом море, совершает преступление, являющееся пиратством, как оно определено правом наций, и впоследствии доставлен или обнаружен в США, подлежит пожизненному тюремному заключению» (ст. 1651 раздела 18 СЗ).

¹²⁷ Restatement (Third) of the foreign relations law.. § 404.

¹²⁸ Tuerkeimer. Op. cit. P. 324.

¹²⁹ Bradley. Universal jurisdiction and U.S. law. 2001. U. Chi. Legal F. P. 325.

¹³⁰ См., например: United States V. Ynis, 924 F. 2d 1086 (D.C. Cir. 1991).

¹³¹ Maritime drug law enforcement Act (ст. 1903 раздела 46 СЗ).

¹³² Выше отмечалось, что этот закон может применяться на основе территориального и защитительного принципов.

¹³³ LaFave W. Op. cit. P. 212.

¹³⁴ Здесь следует иметь в виду, что в большинстве штатов преступления – это деяния статутные, т. е. предусмотренные законодательством. Однако в некоторых есть преступления общего права, но их немного.

ституциями штатов, именно они осуществляют так называемые «полицейские полномочия» по защите основных ценностей: здоровья, собственности, морали и в целом – общественного благополучия.

Понятно, что каждый штат осуществляет юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на его территории. Однако это общее правило нуждается в уточнении и пояснении, прежде всего относительно понятия «территории». Дефиниции «территории» закреплены в уголовных кодексах некоторых штатов, и она там нередко определяется в основном или точно так же, как в Примерном УК: «Территория данного штата включает сушу и водное пространство, а также воздушное пространство над ними, в отношении которых этот штат имеет законодательную юрисдикцию» (п. 5 ст. 1.03).¹³⁵ Иногда встречаются определения более краткие, например в УК Висконсина (п. 2 ст. 939.03),¹³⁶ и, наоборот, более широкие, как, например, в УК Огайо. Там сказано, что территория штата включает указанные выше пространства, «в отношении которых данный штат имеет исключительную или совпадающую юрисдикцию». И далее: «Если граница между данным и другим штатом или иностранным государством является спорной, спорная территория неопровержимо презюмируется находящейся в пределах данного штата» (п. “С” (1) ст. 2901.11).

Водное пространство штатов, имеющих выход к морю, включает полосу шириной не более трех морских миль от берега. Однако суды некоторых штатов, например Флориды, признавали правомерным привлечение к уголовной ответственности за преступления, совершенные и за пределами трехмильной зоны¹³⁷.

На практике нередко возникают и прочие вопросы, связанные с установлением территориальной юрисдикции штатов, как-то: по какому закону должно рассматриваться дело, если, например, потерпевший принял яд в штате Огайо, а умер в результате этого в штате Кентукки? Или: может ли какой-то штат применить свой закон в отношении своего гражданина, совершившего преступление за пределами штата, или к негражданину, совершившему преступление в отношении гражданина за пределами штата?

В поисках ответов на эти и другие вопросы суды, при отсутствии или неясности соответствующих законодательных положений, обращаются к общему праву. Поскольку в таких случаях часто большое значение имеет установление места совершения преступления, напомним, что по общему праву, во-первых, может быть только одно место совершения преступления, и, во-вторых, таковым может быть место, где осуществлено «жизненно важное» действие (бездействие), или место, где наступил результат, если определение преступления включает такой результат.¹³⁸

Суды, опирающиеся на положения общего права, признавали юрисдикцию того штата, где яд был принят, как в приведенном выше примере,¹³⁹ или где был произведен выстрел, в результате которого наступила смерть потерпевшего за пределами этого штата.¹⁴⁰ А вот в дру-

¹³⁵ Это определение воспроизводится, например, в УК Пенсильвании (п. “d” ст. 102) или сходно с тем, которое содержится, например, в УК Техаса (п. “d” ст. 1.04).

¹³⁶ Там сказано: «Штат – это пространство в пределах границ данного штата, а также пространство, в отношении которого в соответствии с ч. 1 ст. IX Конституции штат осуществляет совпадающую юрисдикцию».

¹³⁷ В одном из своих недавних решений Верховный суд штата Флорида, затронув вопрос о провозглашенной ею «специальной морской юрисдикции», постановил, что штат может осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступных действий, совершенных за пределами территориальных границ штата, если эти действия имеют значительный эффект в пределах штата, и что безнаказанность преступлений, совершенных на борту парохода, может плохо отразиться на индустрии туризма (State v. Stepansky, 761, So. 2d 1027 (Fla. 2000)).

¹³⁸ LaFave W., Scott A. Criminal law. West publish. Co. St/ Paul. Minn., 1991 (1999). P. 129.

¹³⁹ Commonwealth v. Apkins, 148 Ky. 207, 146 S.W. 431 (1912).

¹⁴⁰ Commonwealth v. Robinson, 468 Pa. 575, 364 A. 2d 665 (1976).

гом случае, когда выстрел, произведенный с территории одного штата, поразил потерпевшего на территории другого, юрисдикция первого была отклонена.¹⁴¹

Из области других преступлений: такое посягательство, как бигамия, считается совершенным там, где имело место незаконное бракосочетание, а не там, где стороны стали затем сожительствовать; ограбление – где имущество было «взято» у потерпевшего, а не там, где он подвергся угрозам или запугиванию.

Решение вопроса об установлении места совершения преступления и, следовательно, юрисдикции того или иного штата не всегда оказывается простым и однозначным, что уже было видно на примере совершения убийства.

Однако, как представляется, все-таки большие трудности возникают в случаях совершения других преступлений, например кражи, которая является наиболее распространенным посягательством, часто затрагивающим два или более штата. Поскольку считается, что лицо, совершившее кражу, может быть подвергнуто уголовному преследованию как в том месте, где вещи были похищены, так и в том, куда они затем были переправлены или унесены, такая двойственность вызвала большие расхождения в установлении юрисдикции. Одни суды (их, возможно, большинство) признавали, что должен применяться закон того штата, куда имущество было унесено или перенесено;¹⁴² другие, наоборот, считали, что у такого штата не имеется для этого надлежащей юрисдикции.¹⁴³

Также возникали трудности в установлении юрисдикции, когда преступление было совершено в соучастии или имело место какое-либо неоконченное посягательство. Например, если лицо, находясь за пределами какого-то штата, подстрекает другого совершить преступление в этом штате, то встает вопрос, подлежит ли он ответственности по закону этого штата? По общему праву, лицо (пособник до факта совершения преступления), «которое совершает все свои пособнические действия за пределами данного штата, не совершает преступления в данном штате и не подпадает под действие его юрисдикции».¹⁴⁴

Относительно неоконченных посягательств сложность установления юрисдикции проиллюстрируем на примере сговора. Так, если несколько лиц договорились в штате А совершить преступление в штате Б и «явное действие», подтверждающее цель соглашения, было совершено в штате Б, то спрашивается, по закону какого штата эти лица могут быть наказаны? Рядом прецедентов было установлено, что местом совершения сговора является штат Б, и должен быть применен закон этого штата.¹⁴⁵ Однако в случаях, когда суды рассматривали сговор как длящееся (продолжаемое) преступление, он мог иметь более одного места его совершения: там, где состоялось соглашение, а также там, где были «совершены действия в продолжение соглашения».¹⁴⁶

В законодательствах штатов можно обнаружить разные решения затронутых выше вопросов, нередко отличающиеся от правил общего права. Во многих из них действует общее положение, сходное или такое же, которое содержится в Примерном УК, а именно: штат осуществляет юрисдикцию в отношении посягательства, если на территории этого штата осу-

¹⁴¹ State V. Hall, 114 N.C. 909, 19 S.E. 602 (1894).

¹⁴² Интересный, с правовой точки зрения, случай сравнительно недавно имел место в штате Нью-Мексико: в находящейся на территории данного штата индейской резервации были похищены лошади и затем угнаны за ее пределы, но в пределах этого штата. Верховный суд установил, что дело должно рассматриваться по закону штата Нью-Мексико, а не по праву соответствующего индейского племени (State V. Clark, 129 N.M. 194, 3 P.3d 689 (App. 2000)).

¹⁴³ Doane V. Commonwealth. 218 Va. 500, 237 S.E. 2d 797 (1977).

¹⁴⁴ LaFave W. Op. cit. P. 215.

¹⁴⁵ См., например: State V. Hicks, 233 N.C. 511, 64 S.E. 2d 871 (1951). Если же совершения «явного действия» не требуется, то местом совершения сговора будет считаться штат, где было достигнуто соглашение. Однако Верховный суд штата Вайоминг установил, что поскольку предполагаемый «эффект» должен был иметь место в этом штате», сговор подпадает под его юрисдикцию (Marguer V. State, 12 P.3d 711 (Wyo. 2000)).

¹⁴⁶ State V. Davis, 203 N.C. 13, 164 S.E. 737 (1932); LaFave W., Scott A. Op. cit. P. 132.

ществляется поведение или причинен результат, являющиеся элементом такого посягательства (п. 1(а) ст. 1.03).¹⁴⁷ В уголовных кодексах некоторых штатов общее положение сформулировано более широко: «Лицо может быть осуждено и наказано по закону данного штата, если оно совершает посягательство полностью или частично в пределах данного штата (см., например, п. 1 ст. 609.025 УК Миннесоты). Согласно такому статуту штат Калифорния может осуществлять юрисдикцию в отношении тяжкого убийства (которое там может караться смертной казнью – ст. 190 УК), если обвиняемый, находясь в Калифорнии, посылает отравленные конфеты потерпевшему, находящемуся в штате Делавэр, где он их съедает и умирает.¹⁴⁸ Правда, некоторые суды несколько ограничивают понятие «частично».

Что же касается соучастия и неоконченных посягательств, то следует отметить, что в уголовные кодексы ряда штатов также под влиянием Примерного УК включены положения, сходные или идентичные с предусмотренными в нем (п. 1 (b, c, d) ст. 1.03). Так, в УК Кентукки сказано, что лицо может быть осуждено по закону данного штата за посягательство, выполненное его собственным поведением или поведением другого лица, за которое оно несет юридическую ответственность, если: 1) поведение, имеющее место за пределами этого штата, является достаточным, чтобы составить покушение на совершение посягательства в этом штате; 2) поведение, имеющее место за пределами этого штата, является достаточным, чтобы составить сговор о совершении посягательства в этом штате, и явное действие, совершенное в «продвижение» такого сговора, имеет место в этом штате, и 3) поведение, имеющее место на территории этого штата, составляет соучастие, покушение, подстрекательство или сговор в пределах другой юрисдикции, являющееся также посягательством по закону этого штата (п. 1 (b, c, d) ст. 500.060).¹⁴⁹

По-видимому, из всех вышеизложенных подпунктов третий нуждается в пояснении. В комментарии к нему говорится, что он предусматривает возможность уголовного преследования в штате Кентукки лиц, осуществляющих поведение в этом штате, но которое имеет целью нарушение закона другого штата. Приводится такой пример. Лицо, имеющее намерение содействовать проведению незаконного аборта в другом штате, предоставляет соответствующий инструмент для проведения операции, которая там была сделана. Осуждение этого лица в Кентукки по указанному подпункту было бы надлежащим, если поведение, осуществленное в другом штате, составило бы преступный аборт, будь он сделан в штате Кентукки.¹⁵⁰

Столь значительное расширение территориальной юрисдикции и, следовательно, отход от требований общего права объясняются «усиливающейся мобильностью правонарушителей и частотой межштатного преступного поведения».¹⁵¹

В некоторых уголовных кодексах говорится только о действиях, совершаемых за пределами штата, когда они подпадают под его юрисдикцию. Так, в УК Висконсина сказано, что лицо подлежит уголовному преследованию и наказанию по закону данного штата, если оно, находясь за его пределами: 1) помогает, способствует, вступает в сговор, советует, подстрекает, приказывает или просит другого совершить преступление в данном штате или 2) совершает действие с намерением, чтобы оно вызвало в данном штате последствия, указанные в определении преступления (п. 1 (b, c) ст. 939.03).¹⁵² Кроме того, по УК Висконсина (п. d) под юрис-

¹⁴⁷ См., например, ст. 102 (а (1)) УК Пенсильвании или ст. 1.04 (а (1)) УК Техаса.

¹⁴⁸ People V. Botkin, 132 Cal. 231, 64 P. 286 (1901).

¹⁴⁹ См. также: п. а (2, 3, 4) ст. 102 УК Пенсильвании, п. а (2, 3, 4) ст. 1.04 УК Техаса или ст. 140 УК Мичигана.

¹⁵⁰ Criminal law of Kentucky. Title 50. Banks-Baldwin law Publish. Co. Cleveland. 1996—97. P. 776.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Примерно такие же положения (без упоминания «вступает в сговор») содержатся в УК штата Миннесота (п. 2 и 3 ст. 609.025). Юрисдикция штата в отношении сговора предусматривается в ст. 609.175, которая посвящена ответственности за это преступление, а именно в следующих случаях: когда лицо, находясь в этом штате, вступает в сговор с другим, находящимся за его пределами, или, наоборот, или когда лицо, находясь за пределами данного штата, вступает в сговор с другим, также

дикцию этого штата подпадает лицо, которое, находясь за его пределами, похищает (крадет) имущество и затем доставляет его в данный штат.¹⁵³

Как и на федеральном уровне, нередко оказывается весьма сложным установление юрисдикции того или иного штата в случае совершения убийства, имеющего межштатный характер. Примерный УК предлагает эту проблему решить следующим образом: «В случаях, когда совершенное посягательство является убийством и либо смерть потерпевшего, либо причинившее смерть нарушение телесной целостности составляет “результат” в смысле пункта 1 “а” и если тело убитого обнаружено на территории этого штата, презюмируется, что указанный результат имел место на территории этого штата» (п. 4 ст. 1.03).

Предложенная рекомендация без каких-либо изменений или с небольшими уточнениями или сформулированная несколько иначе была закреплена в законодательстве многих, если не большинства, штатов. Она позволяет какому-либо штату осуществлять уголовное преследование за убийство в двух случаях: 1) когда смерть потерпевшего наступила в пределах этого штата, и 2) когда смерть наступила в другом штате, но, допустим, удар, причинивший смерть, был нанесен в этом штате.

Другие основания осуществления пространственной юрисдикции штатами.

Подобно тому как федерация осуществляет свою юрисдикцию на основе национального принципа, штаты это делают на основе принципа гражданства, но, конечно, в более ограниченных пределах. Такой вывод вытекает из ряда решений судов высших инстанций страны и отдельных штатов. Последними еще в XIX в. применение этого принципа было признано правомерным в отношении посягательств, совершенных гражданами того или иного штата в другом штате или даже за границей. Так, в 1863 г. Верховный суд Висконсина, рассматривая вопрос о конституционности статута, предусматривающего ответственность за уклонение от участия в выборах, вынес довольно широкое по своему характеру *ratio decidendi*: «Права штата в отношении своих граждан базируются на еще более прочном основании, и он может... принимать (и, соответственно, применять. – И. К.) законы, которые являются обязательными для них везде и за нарушение которых они могут быть наказаны, где бы штат ни нашел их в пределах своей юрисдикции».¹⁵⁴

В дальнейшем, уже в XX в., Верховный суд страны распространил действие принципа гражданства на водную поверхность за пределами территориальных вод штата. В 1941 г., рассматривая дело по жалобе о неправомерности применения статута штата Флорида, по которому признавалось уголовно наказуемым использование снаряжения для подводного плавания с целью коммерческой ловли губки за пределами ее побережья, он указал: Флорида может применять этот статут в отношении гражданина Флориды, совершившего деяние за пределами своих территориальных границ, так как, во-первых, штат имеет законные интересы в регулировании добычи губки, и, во-вторых, Конгресс никак «не проявил себя» в регулировании ловли губки в открытом море.¹⁵⁵ Это постановление стало важным прецедентом, поскольку на него в дальнейшем ссылались суды штатов, в частности Калифорнии, при рассмотрении подобных дел.¹⁵⁶

Более сложными оказываются вопросы применения так называемого «защитительного» принципа, действие которого на федеральном уровне было показано выше. Допустим, если

находящимся за пределами данного штата, но явное действие в продвижение сговора любым из них совершается в данном штате (п. 1, 2 и 3 части 3).

¹⁵³ Сходное положение, а также другое, касающееся людей, содержится в УК Огайо (п. 5 и 6 (А) ст. 2901.11).

¹⁵⁴ *State ex. rel. Chandler v. Main*, 16 Wis. 398 (1863).

¹⁵⁵ *Skiriotes v. Florida*, 313 U.S. 69, 61 S. Ct. 924, 85 L. Ed. 1193 (1941).

¹⁵⁶ Верховный суд Калифорнии, опираясь на это решение, установил, что Калифорния имеет право осуществлять юрисдикцию в отношении нарушения законодательства о рыболовстве своими гражданами за пределами трехмильной зоны от побережья (*People v. Weeren*, 26 Cal. 3d 654, 163 Cal. Rptz. 255, 607 P. 2d 1279 (1980)).

гражданин Миннесоты на территории своего штата подделывает сертификат на право владения землей в Техасе или гражданин Орегона на территории своего штата совершает убийство калифорнийца, то может ли в этих случаях быть применен соответственно закон штата Техас или Калифорнии, имея в виду, что ни само деяние, ни результат не имели места на территории этих штатов? Более или менее единообразного решения данной проблемы практика не выработала. Суд штата Техас признал, что в указанном случае имеет право осуществлять юрисдикцию Техас,¹⁵⁷ суды же других штатов, наоборот, считали, что подобные дела им неподсудны. Так, например, Верховный суд штата Мерилэнд, рассматривая дело об укрывательстве за пределами этого штата имущества, ранее похищенного там другим, постановил: наличия нарушения этим преступлением «существенного интереса» штата для установления его юрисдикции недостаточно, так как руководящий по данному вопросу статут разрешает такой подход только тогда, когда имеется разногласие (сомнение) относительно места совершения действий обвиняемым, которого в данном случае нет.¹⁵⁸

Примерный УК предлагает следующий вариант решения проблемы: лицо может быть осуждено по закону штата, если поведение, осуществленное за его пределами, «имеет разумное отношение к законному интересу этого штата, и деятель знает или должен знать, что его поведение может затронуть такой интерес» (п. 1 (f) ст. 1.03). Эта рекомендация была воспринята законодательством некоторых штатов, например Пенсильвании (п. а (6) ст. 1.02 УК).

Для решения затронутой проблемы иногда суды опираются на упомянутую выше «доктрину эффекта». Верховный суд США впервые признал ее именно применительно к штатам еще в начале XX в. Рассматривая дело, связанное с экстрадицией обвиняемого из одного штата в другой,¹⁵⁹ он постановил: «Действия, совершенные за пределами какой-либо юрисдикции, но направленные на достижение вредного эффекта (результата) и вызывающие его в пределах ее, оправдывают штат в наказании причины вреда, как если бы он (обвиняемый. – И. К.) присутствовал при наступлении результата, при условии, что штат преуспел бы в заполучении его под свою власть».¹⁶⁰

Использование доктрины эффекта в определенных случаях позволяло отстаивать право соответствующего штата осуществлять правосудие в отношении преступлений, совершенных за пределами его границ, например Флориды, где они были признаны подпадающими под действие провозглашенной ею «специальной морской юрисдикции».¹⁶¹ Однако, по-видимому, штат не имеет права защищать своего гражданина от посягательства на него со стороны негражданина в другом штате, в результате которого ему там причиняется вред.¹⁶² Следовательно, в приведенном выше случае убийства калифорнийца в штате Орегон его гражданином калифорнийский закон применен быть не может.

В) Действие уголовного закона на индейских территориях

¹⁵⁷ Hanks v. State, 13 Tex. App. 289 (1882).

¹⁵⁸ State v. Collin, 687 A. 2d 962 (Me. 1997). Ссылаясь на свод коллизионного права (Restatement of conflict of Laws, 1934), Лафейв пишет: поскольку, «как представляется», Свод (§ 425–428) для установления юрисдикции по статуту требует, чтобы какой-то «результат» действия, совершенного за пределами штата, имел место в этом штате, в приведенном случае он, «как представляется», в смысле требований Свода не имел места в данном штате. Позиция этого автора по рассматриваемому вопросу не совсем последовательна, так как выше он пишет: «Штат, также как и государство, имеет право защищать свои... интересы в области валюты, печатей и публичных документов от их подделки негражданами в других штатах» (*LaFave W. Op. cit.* P. 221), поскольку «результат» может и не иметь места в этом штате.

¹⁵⁹ Обвиняемый, совершивший все мошеннические действия в штате Иллинойс, настаивал на том, чтобы его не передавали властям штата Мичиган.

¹⁶⁰ Strassheim v. Daily, 221 U.S. 280, 31 S. Ct. 558, 55 L.Ed. 735 (1911).

¹⁶¹ Верховный суд Флориды постановил: «Штат может осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступных действий, совершенных за пределами его территориальных границ, если такие действия имеют значительный эффект в этом штате» (*State v. Stepansky*, 761 So. 2d 1027 (Fla. 2000)).

¹⁶² *LaFave W., Scott A. Op. cit.* P. 136.

Прежде чем рассматривать эту, также непростую, а возможно, более сложную, проблему, необходимо выяснить два вопроса. Во-первых, что следует понимать под словосочетанием «индейская территория» (Indian country)? В соответствии со ст. 1151 Федерального УК это: 1) вся земля в пределах какой-либо индейской резервации, находящейся под юрисдикцией правительства США, безотносительно к изданию какого-либо публично-правового акта, включая право прохода через резервацию; 2) все зависимые индейские общины в границах США, находящиеся в пределах первоначальных или приобретенных впоследствии территорий, безотносительно к тому, находятся они в пределах какого-то одного штата или нет, и 3) все предоставленные индейцам земельные участки, права на которые не были аннулированы, включая право прохода через них¹⁶³.

Во-вторых, поскольку установление той или иной юрисдикции при определенных обстоятельствах зависит от того, является ли обвиняемый и (или) потерпевший индейцем, необходимо выяснить, кто таковым считается в правовом отношении? Ответ на этот вопрос в общем плане дал Верховный суд еще в первой половине XIX в.¹⁶⁴ Это, во-первых, лицо, которое имеет значительную часть индейской крови и, во-вторых, которое признано индейцем федеральными властями или соответствующим племенем¹⁶⁵.

На индейских территориях может, при соответствующих обстоятельствах, осуществляться юрисдикция федеральная, определенного индейского племени или штата. Однако объем и соотношение компетенции этих субъектов права в вопросах применения уголовного закона неодинаковы.

Федеральная юрисдикция. Если говорить в общем, то вероятно, это самая значительная юрисдикция. Под ее действие подпадают три группы уголовно наказуемых деяний: 1) федеральные посягательства общенационального значения; 2) посягательства, предусмотренные Законом об общих преступлениях, и 3) посягательства, предусмотренные Законом об основных преступлениях.¹⁶⁶

К первой группе, по общему правилу, относятся преступления, из законодательных описаний которых ясно, что ответственность за них несут все лица, включая членов индейских племен¹⁶⁷, если, конечно, каким-либо договором не сделано специального исключения из действия соответствующего статута в отношении индейцев. На практике они подвергались уголовному преследованию за преступления, связанные с наркотиками, незаконное владение огнестрельным оружием, нападение на федеральных должностных лиц и некоторые другие посягательства.

Ко второй группе относятся деяния, которые подпадают под действие Закона об общих преступлениях 1817 г. (ст. 1152 Федерального УК), где сказано: «За исключением прямо предусмотренного законом, общие законы США о наказании за посягательства, совершенные где-либо в пределах исключительной юрисдикции США, за исключением Округа Колумбия, распространяются на индейские территории».

¹⁶³ Поскольку эта дефиниция дает лишь самое общее представление о том, что такое «индейская территория», она неоднократно уточнялась федеральными судами. Так, Верховный суд, давая определение «зависимой индейской общины», отметил, что это понятие означает, что земля: а) была предназначена для пользования индейцами и б) находится под надзором федерального правительства (*Alaska V. Native Village...*, 522 U.S. 520, 118 S.Ct. 948, 140 L.Ed. 2d 30 (1998)). Подробнее о юрисдикции на индейских территориях см.: *Canby W. American Indian law*. 3rd ed. 1998.

¹⁶⁴ *United States V. Rogers*, 45 U.S. (4 How.) 567, 11 L. Ed. 1105 (1846).

¹⁶⁵ По первому критерию можно сказать, что индейцем суды признают лицо, имеющее около 25 % индейской крови.

¹⁶⁶ Помимо указанных законов есть еще масса других статутов, которые распространяют федеральную уголовную юрисдикцию на отдельные резервации или их части (см.: *Canby W. Op. cit.* Chs. 7, 8. P. 159).

¹⁶⁷ *United States V. Funmaker* 10 F. 3d 1327 (7th Cir. 1993).

Упомянутые федеральные законы могут быть двух видов. Во-первых, это законы, как, например, статут об ответственности за тяжкое убийство (ст. 1111 Федерального УК), которые Конгресс время от времени принимает и действие которых ограничивается «специальной морской и территориальной юрисдикцией США». Во-вторых, это в основном и по существу законы (право) штатов, где находятся индейские резервации, которые в силу отсутствия необходимых федеральных статутов применяются по аналогии на основании Закона об ассимилированных преступлениях (ст. 13 Федерального УК), подобно тому как они применяются в упомянутых выше анклавах (фортах, арсеналах, национальных парках и других объектах).¹⁶⁸

Здесь следует отметить, что если вначале Закон 1817 г. применялся для уголовного преследования за все «неиндейские» преступления, совершенные на индейских территориях, то в дальнейшем, в результате его толкований (уточнений) Верховным судом, он стал применяться в отношении неиндейцев, когда они совершают преступления против индейцев или их интересов.¹⁶⁹

Что же касается действия этого закона в отношении индейцев, то он предусматривает три случая его применения: 1) если посягательство совершено индейцем против личности или имущества другого индейца; 2) если индеец, совершивший любое посягательство на индейской территории, был подвергнут наказанию по праву своего племени, и 3) если договором с соответствующим индейским племенем оговаривается, что исключительная юрисдикция в отношении посягательства, совершенного индейцем против личности или имущества другого индейца, предоставляется или может быть предоставлена такому индейскому племени.

К третьей группе относятся нижеперечисленные посягательства, появление которых связано с первым из трех вышеназванных исключений. Применив его, Верховный суд в 1883 г. постановил: федеральные суды не могут осуществлять юрисдикцию в отношении убийства одного индейца другим, совершенного на индейской территории.¹⁷⁰ Это решение вызвало негативную реакцию со стороны Конгресса и быстрое принятие им Закона об основных преступлениях (ст. 1153 Федерального УК).

В этом Законе (п. «а» ст. 1153) говорится: «Любой индеец, который совершает против личности или имущества другого индейца или другого лица любое из следующих преступлений, а именно – тяжкое убийство, простое убийство, похищение человека, изувечивание, какую-либо фелонию, предусмотренную гл. 109А,¹⁷¹ инцест, нападение с намерением совершить тяжкое убийство, нападение с огнестрельным оружием, нападение, в результате которого причинен тяжкий телесный вред (как определено в ст. 1365 Федерального УК), нападение на индивидуума, не достигшего 16-летнего возраста, поджог, берглэри,¹⁷² ограбление и любую фелонию, предусмотренную ст. 661 Федерального УК, в пределах индейской территории, – подпадает под действие того же закона и подлежит тому же наказанию, что и все другие лица, совершающие любое из вышеперечисленных преступлений, в пределах исключительной юрисдикции Соединенных Штатов».

¹⁶⁸ Соответствующие нормы уголовного законодательства штатов в результате их применения, тем более многократного, становятся как бы частью федерального уголовного законодательства.

¹⁶⁹ Верховный суд указал, что юрисдикцию в отношении преступлений, совершаемых неиндейцами против неиндейцев, осуществляют власти штатов (*Drapez V. United States*, 164 U.S. 240, 17 S.Ct. 107, 41 L. Ed. 419 (1896)).

¹⁷⁰ *Ex parte Crow Dog*, 109 U.S. 556, 3 S.Ct. 396, 27 L. Ed. 1030 (1883).

¹⁷¹ В данной главе предусматривается ответственность за половые посягательства.

¹⁷² Если коротко, то берглэри – это незаконное проникновение в чужое помещение с целью совершения там преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.